ЗОНА СМЕРТИ
Василий Орехов
Юрий Бурносов
ЖЕЛЕЗНЫЙ ДОКТОР

Василий Орехов
Юрий Николаевич Бурносов

Железный доктор

Серия «Зона Смерти»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=601935
Василий Орехов, Юрий Бурносов. Железный доктор: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47699-2

Аннотация

После того как страшная Катастрофа 2051 года превратила территорию Новосибирска в мертвые ландшафты Академзоны, руины города населяют лишь сталкеры, механические чудовища и наноорганизмы. Однако для деловых людей грандиозная трагедия – лишь очередной способ зарабатывать деньги. С Большой Земли к Барьеру, отделяющему Зону от остального мира, по Обскому морю регулярно отправляются теплоходы с богатыми экстремальными туристами.

Но очередное прогулочное судно, в круиз на котором отправилась дочь председателя Совета Федерации, потерпело крушение. Судя по дошедшим до армейского командования обрывкам информации, выжившие в катастрофе пассажиры оказались на территории Академзоны. В составе спасательной группы в Зону отправляется молодой военврач, лейтенант Владимир Рождественский. Вместе с другими военными сталкерами ему придется противостоять смертельно опасным обитателям этой зачумленной территории. Впрочем, техномонстры не являются главным ужасом Академзоны. Основная опасность здесь исходит от людей...

Содержание

Пролог 4
Глава 1 10
Глава 2 22
Глава 3 35
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Василий Орехов
Юрий Бурносов
Железный доктор

Доктор N, мой друг, пропал.
Михаил Булгаков. Необыкновенные приключения доктора

Пролог

Белый прогулочный теплоход «Виктор Толоконский» шел по Обскому морю.

Праздный народ на палубе беззаботно плясал под свежий музыкальный хит, выпивал и закусывал, активно тусовался, как и положено сливкам общества, заплатившим приличные деньги за мини-круиз. Капитан и владелец теплохода, тучный пожилой моряк по фамилии Федосеев, с высоты капитанского мостика скептически разглядывал бурлящую прямо под ним толпу богатых бездельников, наметанным глазом бывалого человека выхватывая из нее то один, то другой архетипический образ. Насмотрелся за годы дикого капитализма, чего уж там, наловчился угадывать характер и положение каждого по нескольким специфическим деталям. И ничего-то, ничегошеньки за прошедшие десятилетия, со времен его молодости, не изменилось, хоть и прогресс шагнул вперед, и все такое...

Вот крепкий старик в дорогом костюме – солидный господин, представитель краевой администрации или партийный функционер, и рядом – молоденькая девушка с фигурой топ-модели и в короткой юбочке. Вполне сошли бы за деда и внучку, если бы Федосеев не знал наверняка, что у богатых внучат солидных людей есть дела поинтереснее, чем мотаться в круизы с престарелыми родственниками. Да и обитают они обычно далековато от Сибири, учатся в разных сорбоннах и оксфордах. Времени на ерунду у них нет, а в круизы они предпочитают ходить по Средиземному морю и со своими сверстниками, у которых имеется собственная яхта.

Вот низенький тип довольно неприятной наружности, похожий на того скупого гнома из мультика, который из патологической экономии клал в торт соль вместо сахара. Глазки бегают, уголки губ опущены вниз, сутулится как пустынный гриф. Определенно, бухгалтер крупной фирмы, который совсем недавно начал запускать лапу в закрома родной организации. Прикупив новую машину себе, шубу жене и квартиру любовнице, решил немного развеяться перед неминуемой отсидкой. Судя по внешнему виду, гулять на свободе ему осталось совсем недолго: таких фраерков вычисляют довольно быстро – они не умеют красиво блефовать, не умеют делать хорошую мину при плохой игре, не умеют талантливо подделывать документацию, не умеют вдохновенно врать так, чтобы в глазах не читался отчетливый ужас перед разоблачением. По крайней мере, Федосеев вычислил его с первого взгляда и едва ли доверил бы ему судовую кассу.

Несколько молодых ребят – трое волосатые, как доисторические хиппи, один лысый, один коротко стриженный. Один из патлатых явно крашеный – не встречается в природе волос с таким платиновым отливом. Все тщедушные, худые, щупленькие, в каких-то дурацких ветровках с трехбуквенным латинским логотипом, только коротко стриженный помассивнее и в кожаной косухе. Можно ставить на спор капитанскую трубку, что это выбралась проветриться верхушка какой-нибудь внезапно разбогатевшей местной компании по производству онлайн-игр. Шальных денег уже много, а вот видок по-прежнему голодранский.

Ну, ладно, наесть солидные щеки и справить себе приличную одежку, чтобы подходила под солидные щеки – это дело наживное.

А вот еще одна довольно скромно одетая девушка со светлыми волосами и бокалом красного вина в руке – смакует этот бокал уже битый час, между прочим. Странновато выглядит на фоне прочей весьма не бедной компании. Вполне могла бы быть пиар-менеджером или директором по персоналу у тех волосатиков, только держатся они явно порознь. Впрочем, если приглядеться, то можно заметить, что и маечка, выглядывающая у нее из-под распахнутой куртки, эксклюзивная, и простые с виду джинсики удивительно удачно сидят, чего обычно не бывает с дешевыми мозамбикскими или таджикскими, а стало быть, сшиты на заказ за хорошие деньги. И мордочка вполне ухоженная – значит, может позволить себе потратить на уход за внешностью несколько часов в день вместо того, чтобы к десяти лететь в офис, а вечером в запарке готовить ужин мужу. А вот, кстати, и муж – перебросилась парой слов со стоящим у борта массивным парнем, словно со старым знакомым. Нет, стоп, не муж. Рожу такую понимающую состроил, что сиделке в сумасшедшем доме сто очков вперед даст. Строгий костюм, руки чуть ли не по швам, военная выправка, габариты среднего платяного шкафа, выражение «чего изволите?» на не испорченном интеллектом лице – явный телохранитель. Хм, еще интереснее...

– Не понимаю я этих фигуристов, Артурыч, – задумчиво проговорил рулевой по имени Коля, делая вид, что перекладывает штурвал. Фигуристами он называл туристов, мотивируя это тем, что какая разница – все равно в рифму. – Бабло ведь лопатами гребут, девать некуда. Отдыхай себе хоть на Канарах, хоть на Багамах – да хоть в Австралии. Так нет же, в Сибирь поперлись. Что у нас тут смотреть, кроме дурацкого Барьера?

– А в Австралии твоей чего смотреть, салабон? – вяло осведомился Федосеев, не отрывая взгляда от странной девушки, которой он никак не мог придумать подходящую биографию. На нем были черный китель с белой рубашкой, строгие брюки и твердая капитанская фуражка с «крабом» неопределенной флотской принадлежности, отчего толстяк отчаянно потел, и интенсивно ворочать языком ему было лень.

– А в Австралии этот... как его... серфинг, – сообщил Коля. – Пальмы там, мишки панды... Утконосы и ехидины...

– Сам ты ехидина, – хмыкнул капитан. – Да и насчет мишек не уверен. А вот белые акулы-людоеды там точно водятся. Смотрел кино про дайверов?.. Удовольствия мало, знаешь.

– А можно не купаться! – азартно не сдавался рулевой. – У нас-то вон тоже не шибко искупаешься, холодрыга, родники. Зато там пальмы...

– Может, у них эти пальмы вот уже где сидят, – Федосеев похлопал себя ладонью по необъятному брюху в районе печени. – Родины небось хочется, землицы русской. Да и вообще не все равно тебе, почему их сюда тянет? Зато получишь за один рейс столько, сколько люди на лесозаготовке за месяц напиливают. Сиди, что называется, и не чирикай.

– Это да, – согласился рулевой. – Это ты справедливо, Артурыч. Тут с тобой прямо и не поспоришь.

Он отпустил штурвал и закурил. По сути, рулевой здесь был таким же элементом ретрошоу, как и многое на этом теплоходе, словно возвращавшем пассажиров на целый век назад, в благословенные времена патриархальной советской стабильности. На самом деле «Толоконского» вел по заранее проложенному курсу автокапитан, а мощные сонары прощупывали дно на предмет всплывающего топляка и прочего крупного мусора – как-никак, на дне Обского моря находились затопленные больше века назад деревни и леса. В случае чего приборы тут же вносили изменения в программу компьютерного навигатора. Впрочем, через четверть часа и сонары, и автокапитана придется выключить, иначе они не позволят вплот-

ную приблизиться к цели путешествия – тут-то вроде бы ненужный рулевой и продолжит управлять судном вручную.

– А братан-то мой, Пашка, в армию пошел, – поведал Коля, глубоко затягиваясь и выпуская неровные колечки дыма. – Опять контракт подписал.

– Где служить будет? – безо всякого интереса осведомился Федосеев.

– А тут и будет, в Колывани. На базе, которая в бывшем женском монастыре.

– Не настрелялся, что ли? – скривился капитан. – Я думал, Паша умнее – в столицу попросится, или в Америку, ну или на Кавказ хотя бы...

– Да что такого, Артурыч? – искренне удивился рулевой. – Во-первых, от дома близко, и места все знакомые, мы за грибами туда раньше ездили. Жена опять же рядом, ты ж Нинку знаешь – муж в Тверь, жена в дверь. А так под контролем будет: Пашка нагрянет в увольнительную, если что, рыльце ей отполирует по-свойски... Да тут, возле Зоны, и платят больше. Как в зоне боевых действий!

– Платят-то платят... – Капитан болезненно поморщился, покачал головой. – Но место уж больно поганое, хоть вроде ничего и не слышно в последнее время. А если опять цинки начнут приходить?

– Если бы да кабы, Артурыч, знаешь, что бы во рту росло? А хорошая зарплата на дороге не валяется. Куда у нас сейчас парню с руками и головой можно устроиться? Сам вон про лесозаготовки говорил. Да и Паштет наш – водила, ему-то что. С «карташом» в окопе всяко не сидеть...

– Знаешь, Колян, если оно все опять оттуда попрет, без разницы будет, водила ты или повар. Один хрен, с «карташом» в руках концы отдавать или за баранкой...

– Типун тебе, Артурыч, на то самое место, – сказал рулевой. Щелчком отправив за борт окурок, взялся за штурвал. – Пора уже автоматику отрубать. Пропустим весь сабантуй.

– Да оно само скажет, когда пора. Не дергайся, молодой.

Стуча каблучками по металлическим ступеням трапа, на капитанский мостик поднялась та самая белокурая девушка с бокалом вина (чья-то любовница? популярная певица? бизнесвумен? нет, ничего ей не подходило). Вообще-то пассажиры на мостике не приветствовались, но и прогонять богатого туриста было как-то не с руки. Тем более девушку. Тем более симпатичную девушку. Тем более симпатичную девушку – богатого туриста с массивным телохранителем-кавказцем за спиной.

– Можно я тут постою и посмотрю? – спросила она. – Мы ведь уже подплываем?

– Смотрите, конечно, – сдержанно отозвался Федосеев. – Чего ж.

Впереди прямо из неподвижного зеркала зеленоватой воды постепенно поднимался Тайвань, ощетинившийся пышной сосновой хвоей. По берегам сосны стояли сухие, корявые, словно иссушенные подземным пожаром, а здесь поди ж ты, благоденствовали.

Это заметила и пассажирка.

– Ой, зеленый какой! – сказала она. – Это тот самый остров?

– Да, Тайвань, – степенно отозвался рулевой Коля, который в компании юной девушки подобрался, стараясь выглядеть старше и мужественнее. Хотя с ней ему, разумеется, абсолютно ничего не светило, но Коля действовал неосознанно, на древних мужских рефлексах.

– А мы на него сойдем?

– Нет, сходить на него мы не будем, – терпеливо сказал Федосеев. Этот надоевший разговор туристы заводили с ним уже не один раз. – Во-первых, тут сложно подойти к берегу. А во-вторых... неприятное место. Всякое про него рассказывают, знаете ли.

– Вы про грибы, что ли? А это правда, что они живые и туда-сюда ползают?

– Правда, – неохотно сказал Федосеев, поглядывая на приближающийся остров посреди мертвого водохранилища.

Толстяк терпеть не мог эту огромную мертвую лужу, окруженную заброшенными санаториями, безжизненными коттеджными поселками и наполовину высохшим лесом. Он хорошо помнил, как купался тут в детстве и ловил лещей с лодки. С тех пор многое изменилось... А вот острова Тайвань Федосеев вообще всегда боялся. Еще пацанами они с приятелями плавали сюда искать живые грибы, согласно легенде переползавшие с одного берега на другой, и вход в шахты, ведущие к запретным подземельям Академгородка. Входа они так и не обнаружили – или старшие ребята наврали про него, или слишком хорошо он оказался замаскирован, а вот грибы... Они сидели по всему острову, крупные, крепкие. Нет, они никуда не ползли, но вызывали неприятное чувство беспокойства, словно эти мелкие твари смотрели на тебя, стоило повернуться к ним спиной. Федосеев с пацанами удрал тогда с Тайваня очень быстро.

– Страшно как, – сказала девушка, делая очередной крошечный глоток из своего бесконечного бокала. – А то, что мы к Барьеру так близко подойдем – это не очень опасно?

– Мы так подойдем, что опасно не будет. И сразу назад. Зато впечатлений на всю жизнь.

Пронзительный сигнал, заставивший девушку вздрогнуть, известил о том, что автокапитан согласно заложенному в него маршруту собрался поворачивать оглобли. Рулевой Коля поспешно снял с прибора фальшивую пломбу, откинул прозрачную крышку и вырубил автоматику.

Согласно правилам судоходства теплоходу нельзя было приближаться к Барьеру на расстояние менее пяти километров, поэтому ближе умный автомат его попросту не подпускал. Но в том и состояла привлекательность круиза, чтобы проскочить вплотную к жутковатой запретной границе Академзоны, которая в этих местах проходила по воде. Официально маршрут пролегал из Камня-на-Оби с остановками на берегах водохранилища и многочисленных островах – шашлык-машлык, стрельба по белкам, купание в чистых речушках, – но именно величественное зрелище Барьера являлось неофициальной изюминкой круиза. На самом деле сюда отправлялись за адреналином. Чем ближе к Барьеру проскальзывал теплоход, тем лучше платили заказчики. Поэтому в непосредственной близости от острова автоматику команда вырубала, после чего «Толоконскому» предстояло уже на ручном управлении обогнуть Тайвань, находящийся еще по эту сторону действительности, и постоять минут десять-пятнадцать, позволив пассажирам насладиться зрелищем, сполна ощутить адреналин и досыта нащелкаться фотомыльницами. Там, за перемешивающимися и переливающимися, словно прозрачное северное сияние, слоями реальности виднелась запретная территория, оккупированная гигантскими механическими монстрами и крошечными, невидимыми, но гораздо более опасными наноорганизмами, печальное пространство давней техногенной катастрофы, уничтожившей Новосибирск. Затаив дыхание, туристы жадно шарили взглядами по мертвому берегу водохранилища, выискивая нетронутые залежи расколотых человеческих черепов и следы битв огромных механохищников. В принципе, постхолокостный пейзаж, открывавшийся их глазам, давал пищу для любых интерпретаций: при желании и соответствующей фантазии на этом унылом берегу с закопченными руинами, обугленными поваленными деревьями и грудами полуразложившегося мусора можно было разглядеть все что угодно. Трупов, правда, Федоссев так ни разу и не обнаружил, сколько ни вглядывался. Дав пассажирам как следует проникнуться величием момента, живой капитан включал автоматического снова, и теплоход отправлялся назад. Риск, конечно, приятная штука, если только не слишком рисковать.

Военные туристов не трогали, хотя прекрасно знали о несанкционированных зигзагах круизных судов возле Тайваня. У армии хватало своих проблем, куда более серьезных, чем богатенькие идиоты, жаждущие пощекотать свои истрепанные нервишки. Вот и сейчас справа над берегом на хорошей высоте прошел боевой «Ка-85», с которого не могли не наблюдать движущийся к мутно шевелящемуся Барьеру белый теплоход, такой яркий на

фоне темной неподвижной воды; тем не менее вертолет спокойно полетел дальше, а Федосеев печально прикинул, что по возвращении в Камень-на-Оби ему придется давать комендантским на лапу сверх оговоренной суммы, ибо не фиг попадаться на глаза патрулям, с которыми тоже надо делиться. Его предупреждали.

– Спуститесь, пожалуйста, на палубу, – попросил Федосеев пассажирку. В непосредственной близости от Барьера, да еще и на ручном управлении шкипера ничто не должно отвлекать. А Коля уже чуть из штанов не выпрыгнул, изо всех сил изображая тертого и бывалого морского волка.

Девушка, пожав плечиками, подчинилась. И тут же заверещали сонары – как ждали, пока посторонний удалится.

– Что еще за хрень? – вскинулся Федосеев.

– Не знаю, Артурыч, – озабоченно пробормотал рулевой, вглядываясь в монитор. – Что-то словили... Шибко крупное вроде, засветка в половину экрана. Может, старый сруб приплыл?..

– Может, и сруб... Обогни с запасом, – велел капитан.

«Толоконский» послушно двинулся в обход зафиксированного сонарами подводного объекта.

На палубе продолжала греметь музыка, которая внезапно взвизгнула и умолкла.

– Смотрите, смотрите! – восторженно заорал кто-то.

– Что у них там еще? – буркнул Федосеев. – Пойду проверю...

Пассажиры собрались по левому борту и внимательно вглядывались в мутную воду. Федосеев присоединился к ним, но ничего, кроме дохлого леща, вяло колышущегося в районе кормы, не увидел.

– Что случилось? – спросил капитан.

– Там что-то было! – сказал светловолосый молодой человек из компьютерщиков, дыша на капитана парами хорошего коньяка. – Блеснуло и исчезло.

– Рыба, может? – предположила уже знакомая пассажирка.

– Не рыба. Железное, по-моему...

– Железное?! – Федосеев насторожился и резво скомандовал: – Так, господа, всем отойти от бортов! Держаться в центре палубы!

Пассажиры хоть и с ворчанием, но послушались, тем более что в середине палубы как раз стояли столы с выпивкой и закуской.

Капитан бегом вернулся на мостик.

– Сонары бесятся, – растерянно сообщил рулевой. – Не нравится мне это, Артурыч...

– Пассажир какую-то железку в воде видел, – поведал капитан, отдуваясь после пробежки. – Давай живо полный задний, потом развернемся.

– Железяку?! Мать моя женщина! Тут-то откуда?...

Рулевой послушно врубил «полный назад», двигатели взвыли, заглохли на миг, потом взвыли снова. «Виктор Толоконский» сбавил ход, остановился... Мелко дрожа, начал потихоньку пятиться.

– Дай мне. – Федосеев решительно оттер заметно побледневшего подчиненного в сторону, сменил его за штурвалом. Сейчас во избежание неприятностей на управлении должен быть опытный рулевой. – И вот что... Вызывай-ка военных, Колян!

– Уверен, Артурыч? Сейчас развернемся, а там уже полным ходом... – начал было рулевой, но капитан рявкнул:

– Вызывай, я сказал! Ситуация один!..

Что-то длинно и омерзительно проскрежетало под днищем, перекрывая его последние слова. Замерев, как сделавший стойку заяц, Федосеев напряженно вслушивался в этот долгий, тоскливый, выворачивающий нервы звук. Наверное, с таким безнадежным скрипом

сама собой открывается в полночь заржавленная дверь старого склепа на заброшенном кладбище.

– Что это? – испуганно прошептал Коля, тоже уловивший мучительный скрежет – не только слухом, но и всем телом, потому что вибрация отдалась на корпус.

– Вроде насквозь не проткнуло, – сосредоточенно пробормотал Артурыч. – Слава богу! Просто скребет по днищу...

Теплоход резко дернулся и внезапно остановился, словно наткнувшись на невидимое препятствие. По судну прошла мгновенная, выматывающая душу дрожь, и оно ощутимо накренилось на один борт.

Фуршетные столы со скрипом поехали по палубе, задзинькали падающие вилки, начали со звоном разлетаться вдребезги бокалы и тарелки. Вразнобой заголосили пассажиры.

– Что за чертовщина происходит? – весело выкрикнул кто-то. Однако в этом пьяном веселье уже ощущались нотки паники – все-таки туристы не забывали, что находятся в непосредственной близости от чрезвычайно опасной местности, где может произойти все что угодно. Они просто еще не могли позволить себе поверить до конца, что воплотились в реальность те самые полпроцента вероятности, которые устроители тура отводили на непредвиденные ситуации и из-за которых, собственно, тур и был столь популярен.

А потом палуба резко ушла у них из-под ног и тут же снова крепко ударила по ногам – но уже под другим углом. Устоять не сумел никто, а платиноволосый компьютерщик, перевалившись через страховочные леера, головой вниз полетел за борт в изумленном молчании.

– Человек за бортом! – рявкнул Фадеев, цепляя спасательный круг, висящий на внешней стене рубки.

– Да что же это такое, Артурыч! – взвыл Колян, тыкая непослушными пальцами в сенсоры дальней связи.

Но вызвать он уже никого не успел.

Глава 1

Военно-транспортный вертолет заложил солидную дугу над лесом, выбирая место для посадки.

Володя Рождественский, прикрыв глаза и откинув голову, ощущая затылком мощную вибрацию корпуса вертолета, отдававшуюся в зубах и черепной коробке едва уловимой ноющей болью, еще раз на всякий случай прокручивал в памяти все, что вдалбливали ему в Военно-медицинской академии. Огнестрельные раны... рубленые раны... травматическая ампутация... артериальное кровотечение, венозное кровотечение... термическое поражение... радиационное поражение... биологическое поражение... нанопроникновение...

В вертолет его притащили в последний момент чуть ли не за шиворот. Хотя сегодня ничто не предвещало аврала или обшей тревоги по форме номер один. Володя мирно чистил картошку в своей комнатке в военном городке: хотел приготовить отличный холостяцкий ужин – азу по-татарски. Купил на рынке соленых огурцов, картошки, лука, хорошей баранинки, засунул в морозильник бутылочку славной томской водки для полного счастья, и вдруг нате – получите-распишитесь. Еще и наорали: почему, мол, не отвечаете на сигнал экстренного вызова, офицер?! А у Володи музыка играла, а портативный армейский приемник в воротник форменной куртки вшит, а куртка – в шкафу висит... Кто ж виноват, что ему до сих пор не вживили стандартный армейский чип?

Рождественский недружелюбно покосился на старшего группы, здоровенного, как сейф, подполковника Гончаренко. Хотя как раз подполковник наотрез отказывался брать молодого лейтенанта медицинской службы в этот рейд, чего Рождественский знать в принципе не мог.

– Ильич, – доказывал Гончаренко начальнику штаба, – мы ж не по грибы идем. Человек только неделю как прибыл на место службы, даже не познакомился толком ни с кем, не говоря уже о боевой подготовке... Совсем пацан еще, сразу после академии. Что он там видел? Лягух резал? А тут – боевая операция, красный код...

– У меня приказ! – возражал начштаба. – Сам генерал Шикунов приказал: красный код и группа по варианту «один». А там предусмотрен офицер-медик. Кого я туда еще суну? Капитан Рейдель на севере, там прорыв был, семь раненых. Левин – с ним улетел. В госпитале только женщины. Беришвили в отпуске, старлей ногу на рыбалке сломал...

– Военфельдшера давай.

– И что потом? Представь, что он оттуда не вернется, а? Сразу вопросы: почему военфельдшер, что он там делал, когда по всем инструкциям положен офицер-медик? Кого по шапке за несоответствие или даже под трибунал? Да что я тебе объясняю, Игорь, ты и сам все прекрасно понимаешь! Должен быть врач – стало быть, врач и полетит. Еще спасибо скажете...

– Твою мать! – процедил Гончаренко. – Спасибо тебе, Ильич! Огромное человеческое спасибо! До земли кланяюсь! Да у него даже импланты не вбиты – что я с ним буду в Зоне делать?!

– Минимальный комплект имплантов ему за минуту вобьют. Пусть по ходу и приживаются, он же врач, ему в атаку все равно не ходить. А в Зоне присматривайте за ним как следует, и все дела.

– В атаку не ходить... В Зоне, Ильич, кругом атака, – буркнул подполковник. Он уже понял, что брать с собой молодого военврача придется неизбежно, а потом нянчиться с ним, неопытным, как с малым ребенком.

И вот теперь офицер-медик Володя Рождественский сидел на мелко дрожащем сиденье в брюхе армейского вертолета, сжимая коленями «репку с маком» – так именовался на воен-

ном жаргоне роботизированный полевой медицинский комплекс РПМК, довольно увесистая и неуклюжая штука, которую военврачам приходится таскать на себе в таких вот экстренных командировках. «Репка» умела многое, но и ломалась часто, порой совершенно неожиданно и бесповоротно. Поэтому Володя захватил еще и старую добрую походную аптечку, любовно собранную им лично вне всяких уставных рекомендаций. Аптечку он запихал в пустой контейнер своего бронескафандра с ярко-красными крестами на груди, плечах и спине. Пустых контейнеров там имелось еще достаточно – боекомплект врачу полагался уменьшенный, так как из оружия он имел только стандартный арман с минимальным боепитанием и совсем уж потешный в условиях Пятизонья пистолетик калибра 5,45 мм в набедренной кобуре.

Плечи ныли от наспех загнанных имплантов, которые ему вбил суровый военфельдшер перед самым вылетом. Володя зябко поежился – неприятно было чувствовать в себе что-то инородное, хотя как врач он понимал сущность и необходимость этих электронных приспособлений. Самое обидное, что он пока не ощущал от них никаких плюсов – настройка требовала времени, организм привыкал, импланты осваивались. Могли, кстати, и не освоиться – случаи отторжения исчислялись сотнями, и тогда в Зоне они как минимум будут бесполезны. Это как минимум.

– Итак, ребята, дела такие, – объявил тем временем подполковник Гончаренко. Он стоял посреди салона вертолета, словно древний рыцарь в полном турнирном доспехе: забрало шлема откинуто, руки уперты в бока бронескафандра, нога поставлена на контейнер со станковым лазерным метателем, словно на труп поверженного дракона. – На Обской луже пропал теплоход с дуриками. Сорок три дурика плюс экипаж. Теплоход «Виктор Тологонский», белый такой.

– Ага, там еще капитаном жиртрест. Вот и доплавались за шальной денежкой, – безразлично сказал кто-то из лейтенантов. Ниже по званию в группе из четырнадцати человек был только один, выше – двое: Гончаренко и его заместитель капитан Якубович.

– Доплавались, – снисходительно согласился Гончаренко. – Наши слетали к Барьеру – никаких следов теплохода, только мусор плавает. Но одна из пассажирок успела позвонить отцу через спутник и сказать, что с острова – или из-под воды – вылезло что-то железное и схватило теплоход.

– Ни себе хрена! – пробормотал долговязый лейтенант Константинов с вытянутым, словно у лошади, лицом. Его Володя знал, потому что жил в соседней комнате и даже успел выпить с ним пива в военторговском баре.

– Я такого тоже сроду не слыхал, – кивнул подполковник. – По воде из Академзоны ничего не лезет, это закон природы. Сами понимаете, девчонке всякое могло причудиться. Может быть, когда она звонила, у нее в мозгу уже вовсю наники кишели... Но главное, братцы, не в этом. Главное в том, что эта девчонка – дочка председателя Совета Федерации Сухомлинова.

– Сухомлина, – мрачно поправил капитан Якубович.

– Да и хрен бы с ним, – отмахнулся подполковник. – Сами понимаете, задача у нас не из рядовых. В случае удачи – то есть если найдем девку – всем светят звездочки и ордена. – Он строго посмотрел на подчиненных. – Даже если мертвую найдем, и то, наверное, что-то светит...

Володя непроизвольно поморщился – уж больно деловито подполковник рассуждал о чужой судьбе. Молодая девушка, веселилась, наверное, на теплоходе, радовалась жизни... А о ней теперь говорят как о неодушевленном предмете. Хотя то, что Рождественский знал об Академзоне, действительно оставляло исчезнувшим пассажирам теплохода мало шансов. Без спецсредств, без оружия, без защитных костюмов там не выжить. Там даже еды нет. И воды нет. Ничего там нет, кроме руин, мусора, зарослей автонов и местных жителей, абсолютно и категорически враждебных людям.

– Высаживаемся сразу за Барьером на пляже у бетонки, там, где «Песочница» была, – продолжал Гончаренко. – Ищем следы. Хотя если людей утащили, к примеру, через Тайвань, черта с два чего найдем.

– Этот Тайвань давно затопить пора, – сказал кто-то. – Всего-то пара вакуумных бомб, и все дела...

– Да нет там ни хрена, – отозвался Якубович. – Еще в первые годы после катастрофы все облазили, просветили и прозвонили. Никаких секретных ходов.

– Наноорганизмы чего только не умеют, – покачал головой подполковник. – В общем, высаживаемся и ищем. Если пусто – выдвигаемся мимо яхт-клуба к трассе, там разберемся. Поскольку на севере только что была буча, у нас может быть потише, но лучше на это не надеяться. Далее, последнее по списку, но не по значению: у нас в группе новый военврач, лейтенант Рождественский.

Все повернулись и посмотрели на Володю с нескрываемым интересом, словно он только что возник в салоне вертолета из воздуха. Он с трудом подавил желание встать по стойке «смирно» или кокетливо поклониться, и лишь кивнул. Военсталы дружелюбно заулыбались.

– Первый выход – и сразу за звездочками! – бодро проговорил Константинов. – Повезет – вернешься старлеем!

Все заржали. Подполковник Гончаренко поднял руку:

– Всё, хорош веселиться. После познакомитесь поближе. За врачом присматриваем, как за своими собственными... короче, зорко присматриваем за врачом. Другого у нас нет... Снижаемся, кстати.

Вертолет теперь вибрировал послабее, турбины урчали не так надрывно. Потом его ощутимо закачало, и Володя с ужасом понял, что они, наверное, как раз минуют Барьер, мрачный мутный купол, накрывающий Академзону.

Через полминуты лейтенант медицинской службы стоял на грязном песке заброшенного пляжа с неизбежной «репкой» за плечами и смотрел, как из вертолетного чрева выволакивают освобожденный из контейнера станковый метатель. Это была здоровенная дура на широких самоходных гусеницах, Володя стрелял пару раз из такой в академии, на полевых занятиях. Инструкциями стрелку-оператору строго-настрого запрещалось использовать метатель как средство передвижения, но долговязый Константинов тут же встал на верхний щиток гусеницы, как на самокат, отъехал метров на десять от вертолета, лихо развернулся и занял позицию, нацелив ствол на уходящий вверх берег.

Володя осмотрелся. Слева в мутную воду врезалась бетонная стрела волнореза, уходящая довольно далеко. Бывший пляж начинался прямо у бетонки: неширокий, всего метров тридцать песка. Посреди пляжа через равные промежутки торчали какие-то обломанные металлические палки. Бывшие пляжные зонтики, догадался Володя. Вернее, скелеты пляжных зонтиков...

Вертолет снова загудел, вздымая тучи пыли, поднялся в воздух, взмыл в небо и исчез за Барьером, который отсюда выглядел совсем иначе и был почти не заметен: так, легкое мерцание, словно горячий воздух над летним асфальтом. Сталкеры остались одни – пока тот же самый вертолет, получив вызов от командира, не заберет группу.

– Коля, давайте налево, обойдете «Песочницу» и в яхт-клуб, а мы – этим азимутом, – подполковник Гончаренко махнул рукой вправо.

Володя посмотрел, куда указывал Гончаренко – небольшая бетонная площадка, жалкие обрывки каким-то чудом сохранившейся сетки-рабицы, а за всем этим – кривой деревянный каркас, обтянутый полуистлевшим зеленым брезентом. Это, видимо, и был пляжный пивняк, где когда-то освежались пенным напитком отдыхающие. Половина группы согласно

оговоренной тактике двинулась туда, вторая во главе с капитаном Якубовичем направилась к сваленным неподалеку как попало огромным бетонным блокам.

Не получивший никаких указаний Володя поправил тяжелую «репку» и стал осматриваться на месте.

Деловитая суета высадки не давала ему отвлекаться на пустяки. Но сейчас он остро ощутил, что находится на враждебной территории, где каждый шаг может быть предельно опасным, где ужасная смерть может скрываться за любым камнем и любым кустом. Вон он, Барьер: человеческая территория осталась с той стороны, а здесь – владения кошмарных технотварей.

Когда-то здесь был город. Вернее, городок. Академгородок – часть огромного мегаполиса под названием Новосибирск, разросшегося до неприличных размеров в связи с Олимпиадой 2048 года, а параллельно превратившегося в крупнейший научный центр мирового значения. Экологичные строительные материалы, новейшие технологии, суперметро со скоростными поездами... И все это превратилось в пепел, грязь и руины в один день – 13 сентября 2051 года. День, в который произошел Третий взрыв, или просто Катастрофа, как называли это событие в народе. До него, как не трудно догадаться по названию, было еще два, сопоставимых по масштабам. Сначала катастрофа на ЧАЭС в 1986 году, когда на самом деле рванула вовсе не сама станция, а разрабатывавшаяся в лаборатории неподалеку секретная установка, которая якобы обеспечивала гиперпереходы в пространстве. Второй взрыв – снова на Чернобыльской атомной электростанции, уже законсервированной – произошел в 2012 году и привел к появлению знаменитой аномальной Зоны в границах уже существовавшей радиоактивной чернобыльской зоны отчуждения. А третий... Собственно, это был даже не взрыв, а целая серия взрывов – в пяти разных точках Евразии, в одночасье ставших смертельно опасными Зонами наподобие чернобыльской, изолированными от остального мира и соединенными гипертоннелями.

Институт имени Курчатова в Москве. Недостроенная еще с советских времен атомная электростанция на полуострове Казантип в Крыму. Атомная станция в Сосновом Бору. Территория отчуждения вокруг бывшей Чернобыльской АЭС.

И Новосибирский Академгородок.

Пятизонье, одним словом. Обширные пространства, на которых ныне правили бал наноорганизмы, биомеханизмы и энергомонстры – «мутировавшие», обретшие разум, зажившие своей жизнью машины, переделанные для неизвестных и непостижимых человеческим разумом целей в агрессивных металлических хищников роями нанороботов, вырвавшихся в результате третьей катастрофы из неведомых пространств – то ли из другой реальности, то ли из будущего, то ли из очередной военной лаборатории... Здесь, в Академзоне, наноорганизмы были особенно активны, потому что ко времени Катастрофы Новосибирск стал мировой столицей нанотехнологий. Как выяснилось, себе же на беду...

И все же Рождественский никак не мог убедить себя, что находится в преддверии ада. Пляж, расстилавшийся у его ног, выглядел слишком обыкновенно. Грязный, серый, неживой – но таким он вполне мог быть, к примеру, поздней осенью, когда купаться приходит лишь редкий морж. Впрочем, грязный – не совсем верное определение. Пляж только выглядел грязным, песок был словно перемешан с пеплом, а вот бытового мусора Володя почти не видел. Только уже упомянутый каркас пивняка да обломки чего-то вроде пластиковых кресел.

А вот вся прибрежная полоса была завалена топляком, который сбился в плотную массу. Кое-где корявые полусгнившие стволы торчали, словно клыки или когти мертвого зверощера. На них с тихим шелестом накатывала серая вода Обского водохранилища. Володя углядел среди топляка остатки рыбьих скелетов, покрытых кусками разбухшей побелевшей плоти, и брезгливо поморщился – запах на берегу наверняка стоит преотвратный.

Он отвернулся от воды и стал смотреть в обратную сторону. Там, где заканчивалась полоса песка, виднелись остатки обгорелой деревянной постройки, которую Гончаренко назвал «Песочницей». Рядом с «Песочницей» торчали какие-то странные кусты, чем-то напоминавшие неимоверно разросшуюся мать-и-мачеху, у которой с одной стороны листочки темные, а с другой – светлые. Володя пригляделся и чертыхнулся про себя – какая еще мать-и-мачеха! Это же те самые пресловутые металлокусты, которые называют «автонами»! Металл отсвечивает, вот что...

Володя был в курсе, что с любым металлом и пластиком, попадающим в Академзону, здешние наноорганизмы расправляются быстро и со знанием дела. И, как он еще припомнил, на таких вот кустиках иногда произрастает весьма зловредная нанодрянь. Вспомнив про жуткие наники, военврач вздрогнул и взглянул на датчик – нет, поблизости вроде никакой мерзости нет. Грозный вид метателя, за которым горой возвышался уверенный в себе Константинов, тоже успокаивал. Однако что-то внутри лейтенанта медицинской службы не переставая дрожало мелкой дрожью. Так бывает в детстве, когда входишь в темную комнату, точно зная, что в ней никого нет и быть не может, но все равно ждешь, что тебя схватит что-то ужасное. И даже чувствуешь легкое разочарование, когда так ничего и не происходит...

В наушнике щелкнуло, и раздался чей-то искаженный до неузнаваемости голос:

– Док, это Первый. Идите сюда.

«Первый» означало «подполковник Гончаренко», и Володя поспешил к брезентовым останкам пивняка. Военсталкеры стояли возле них полукругом, глядя на песок, на котором лежала человеческая нога.

– Осмотрите конечность, док, – приказал подполковник. – Что можете сказать?

Володя присел на корточки, непроизвольно качнувшись в сторону под тяжестью «репки с маком», и уставился на ногу. Нога была мужская – мускулистая, покрытая рыжеватыми волосами, с зеленоватой татуировкой в виде кельтского орнамента чуть выше щиколотки. Отрезанная, а не оторванная или отрубленная – причем такое впечатление, что резали чем-то вроде лазера, слегка поджарив срез. Потыкал пальцем – свежая.

Свои соображения Володя доложил Гончаренко. Подполковник хмыкнул.

– Обронили, что ли, шайтаны... – с заметным акцентом сказал смуглый лейтенант с глубоко посаженными злыми глазами.

– Или не доели, – буркнул Гончаренко. – Странно, наники вроде биомассой разбрасываться не привыкли. Лады, ребята, идем дальше, мясо потом заберем, чего его за собой таскать. Коля, – это уже адресовалось группе Якубовича, – мы к яхтсменам.

Как ни странно, зловещая находка ничуть не напугала Рождественского. Нога – ну и нога, он в анатомичке привык к тому, что человеческое тело удобно разбирается на составные части точно так же, как армган или металлопластиковая полевая шина ПШ-63. Ничего сверхъестественного или страшного в найденном обрубке не было. Ровным счетом ничего.

Возможно, лейтенант изменил бы свое мнение, если бы оглянулся и увидел, как, проткнув кожу, из отрезанной ноги наружу вылезли тонкие серебристые нити, быстро сплетающиеся в узловатые щупальца, и как через секунду нога шустро поползла вверх по песчаному склону.

Но Володя не оглянулся. Он торопился вслед за уходящей группой, то и дело поправляя «репку» и проклиная себя, что не подогнал заранее ремни и магнитные застежки. По-прежнему ныли плечи с вбитыми имплантами. Хотелось пить; военврач вспомнил, что у него прямо под носом торчит гибкий наконечник поилки, и сделал несколько глотков витаминизированной воды.

– Док! – окликнул его подполковник Гончаренко, и лейтенант ускорил шаг. – Не отставать! Влезешь в мухобойку, домой пришлют бандеролью.

Мордатый лейтенант по кличке Водяной – не исключено, впрочем, что это была фамилия – засмеялся. Володя, мысленно отметив, что обращения «на вы» подполковнику хватило ненадолго, догнал группу и пристроился след в след за смуглым. Он вроде бы вспомнил его фамилию – Рахметов.

Военсталкер оглянулся через плечо и подмигнул.

– Пока не страшно, доктор? – сказал он. – Тут места тихие, спокойные. Эти твари к воде мало ходят, редко.

Группа обошла бетонный куб, с крыши которого тоже свисали обтрепанный брезент и обломанные деревянные палки – видимо, остатки летнего тента. Володя живо представил себе, как жарким летом загорелые парни в плавках сидели под хлопающим на ветерке тентом и тянули холодное пиво, которое покупали в пивняке. Представил, как они неспешно, со знанием дела разговаривали об оснастке катамаранов класса «Торнадо» – говорят, здесь была неплохая спортивная база, а местные яхтсмены участвовали в международных гонках...

Володя тряхнул головой: надо сосредоточиться.

За голой бетонной коробкой был спуск к небольшому, явно искусственному заливчику, бывшей стоянке катеров и яхт. От яхт-клуба почти ничего не осталось: залитая бетоном площадка, остатки панельных строений, деревянный настил. Валялись на берегу истлевшие деревянные остовы разбитых суденышек, окруженные корявыми зарослями автонов. Элинги и кирпичные хозяйственные постройки давно растащили для своих нужд деловитые обитатели Академзоны, живые и мертвые.

Володя вертел головой, прикидывая, что будет делать, если вдруг из-за холма вылезет какой-нибудь сталтех. Хотя нет, сталтехи вроде в основном в Новосибирске... Или здесь тоже есть? Многочисленные брошюры и учебные фильмы порой противоречили друг другу и сами себе, а лекции тех ребят, кому довелось бродить по Пятизонью, вкратце можно было свести к одной мысли: «Попадете в Зону – сами увидите».

Володя как раз вспоминал, что он знает о скоргах – микроскопических металлизированных частицах, способных создавать сложные самоорганизующиеся структуры, – когда совсем рядом вдруг треснул под чьей-то ногой брошенный пакет из-под чипсов. Рождественский резко вскинул голову и увидел гротескную массивную фигуру, высунувшуюся из-за растрескавшейся бетонной плиты, косо торчащей среди низкой молодой поросли металлорастений.

Монстр был похож на человека – но не больше, чем чудовище доктора Франкенштейна из недавнего 3D-фильма. Черепная коробка амбала когда-то была неаккуратно вскрыта, а потом так же неаккуратно нахлобучена на место и прошита металлическими стяжками. Могучий торс был обтянут лохмотьями старого защитного комбинезона. С морщинистого черепа свисали пряди выгоревших на солнце волос, а глубоко в глазницах тускло и угрюмо поблескивали красные огоньки фотоэлементов. Вместо левой руки у жуткого гибрида покойника и механизма торчал странный четырехствольный аппарат, а на правой не хватало двух пальцев – большого и указательного. Вместо них в ладонь были вживлены блестящие суставчатые стержни сантиметров по двадцать длиной, словно чудовище хотело показать военному медику «козу».

Внезапно обнаружив в паре метров от себя настоящего сталтеха, военврач на мгновение оцепенел, но тут же принялся суетиться, пытаясь активировать армган. Без толку – оружие переводиться в боевое положение категорически отказывалось.

К счастью для Рождественского, на мгновение опешил и сталтех. Он явно не ожидал обнаружить на берегу группу вооруженных противников из шести человек и теперь, согласно заложенной примитивной программе, сосредоточенно оценивал обстановку вместо того, чтобы начать активно действовать.

Время словно остановилось – военврач с ужасом смотрел на иссохшую плоть сталтеха, простеганную серебристыми и золотистыми металлическими нитями. Володя попытался позвать своих, занятых другими делами, но сумел лишь сдавленно пискнуть. Впрочем, этого вполне хватило, чтобы военсталкеры услышали, и все вокруг сразу пришли в движение, стронув с места замершую на доли секунды реальность.

Сталтех сделал полшага вправо, обратно за огромный кусок бетона, прикрывшись им словно щитом. Мгновенно вскинутая механическая рука-оружие с пронзительным визгом выбросила в направлении армейской команды четыре ярко-оранжевых искрящихся шара.

За миг до этого Гончаренко успел проорать: «Жмур!» – и боевая группа рассыпалась. Поэтому залп медлительного сталтеха пришелся в пустоту. Вонзившись в грунт и полуразваленную стену какой-то руины неподалеку, оранжевые шары с грохотом взорвались, далеко разметав земляные брызги и кирпичную крошку. Тогда биомеханический монстр молниеносно выбросил из-за бетонного обломка удлинившуюся прямо на глазах правую руку, ухватил Володю металлическими когтями за плечо и рывком подтащил к себе. Рождественский попытался было сопротивляться, однако с тем же успехом он мог бороться с паровозным шатуном или гидравлическим прессом – его ботинки пропахали в земле глубокие борозды, и он с размаху треснулся боком о бетон. В несчастной «репке» что-то протестующе хрустнуло.

Ситуация разом стала патовой. Сталтех взял заложника, которым теперь прикрывался так, что попасть в него было невозможно, предварительно не пробив навылет врача. Военсталкеры вжались в землю, в наушнике зашептал подполковник:

– Док, стой тихо, не дергайся... сейчас что-нибудь придумаем...

По спине Володи потекли холодные струйки пота. С трудом повернув голову, он с ужасом посмотрел в лишенные всякой осмысленности глаза человекообразного чудовища с поблескивающей в глубине кроваво-красной искрой. Возле самого уха военврача, внутри головы живого механизма, что-то едва слышно билось и жужжало. Дыхание спазматически перехватывало от невероятной трупной вони, источаемой техномертвецом. Рождественский прекрасно понимал, что сталтех без особого труда может пробить ему кулаком шлем и внедрить в мозг пленника колонию скоргов, превратив его в такого же полумеханического монстра... С другой стороны, оставалась слабая надежда, что монстр не полный идиот и медик пока нужен ему живым – иначе сталтеха сразу завалят военсталкеры. Его и Володю, которого он превратит в такого же омерзительного и зловещего сталтеха...

Черт, а пистолет?!

Морщась от боли – металлические пальцы-стержни впились в плечо так, что ощущалось даже через плотный материал скафандра, – лейтенант вслепую сунул дрожащую руку вниз и нащупал рукоятку пистолета, торчавшую из набедренного чехла. Это была армейская модель без предохранителя, хорошо знакомая по тиру Академии: вынул – и сразу, без раздумий жми на спуск.

Володя так и поступил.

Он выпустил всю обойму. Сталтех дернулся, когда несколько пуль вошли ему в ногу и нижнюю часть живота – выше Володя просто не мог направить ствол, не позволяла как следует вывернуть кисть громоздкая «репка», да и сталтех ограничивал его свободу движений мертвой хваткой. Однако это все равно не помогло Рождественскому вырваться из железных объятий – пальцы монстра еще сильнее впились ему в плечо, ощутимо продавив скафандр. От боли военврач со свистом втянул сквозь зубы холодный воздух.

– Да стой же ты тихо! – рявкнул подполковник.

– Вот же ишак! – злобным эхом отозвался, судя по всему, Рахметов.

Очевидно, Володя сделал что-то не так, но что именно, понять так и не смог. От нестерпимой боли в плече, невероятной вони вяленой плоти и неудержимого страха он был близок к обмороку. Бесполезный разряженный пистолет выпал из руки, и военврач почувствовал,

как сталтех медленно, но неудержимо тянет его за бетонный блок. Видимо, чертов монстр так и собрался отступать – прикрываясь заложником.

В планы Рождественского это не входило, он снова задергался, пытаясь безуспешно завладеть армаганом. Сталтех легонько встряхнул добычу: дескать, не суетись под клиентом, червяк, поздно уже. А ведь тоже человеком когда-то был, скотина! Может, даже военсталкером – по лохмотьям, свисающим с торчащих костей и металлических тяжей, теперь и не определишь...

Володе внезапно стало до дурацких слез жалко так и не приготовленного азу и бутылочки томской водки, томящейся в морозильнике. Пропадут ведь... И себя ему тоже стало невероятно жаль – в первом же рейде так глупо и нелепо отдать концы... Интересно, что маме напишут? «Выполняя конституционный долг, смертью храбрых...» Мама старенькая, у нее инсульт был, ей нельзя такие письма получать...

Злобно сморгнув навернувшиеся на глаза слезы, Володя твердо решил по возможности дороже продать свою молодую жизнь, хотя пока и не представлял особо, как это сделать. Однако сознание захлестнула такая волна жгучей адреналиновой ненависти, что военврач не сомневался: как минимум какую-нибудь важную деталь он этому механическому чудовищу точно оторвет. Нельзя, чтобы его смерть осталась безнаказанной...

В этот момент за спиной что-то громко хлопнуло, и хватка механического чудовища сразу ослабла. Володя стремительно вывернулся из разжавшихся стальных пальцев, упал на четвереньки и резво отполз в сторону. Завалившись на бок и прикрываясь рукой от нестерпимого жара, он еще успел увидеть, как лучи армганов яростно пронзают корчащуюся, обугливающуюся, распадающуюся на фрагменты кошмарную фигуру сталтеха.

Эндоостов биомеханического чудовища еще дергался, когда подполковник Гончаренко осторожно приблизился к останкам живого трупа и старательно выжег черепную коробку дотла, поставив луч армгана на промышленную мощность. Потом подобрал пистолет Рождественского и бросил его врачу, все еще сидевшему на песке. Володя вяло вскинул руку, но пистолета, естественно, не поймал.

– Чего дергался-то? – спросил подполковник. – Кузя с Водяным уже с фланга обошли, все было бы как в аптеке, а ты вдруг стрелять начал.

– Я думал, подобью его... – виновато сказал Володя, пытаясь подняться.

Подошедший Рахметов протянул ему руку, за которую военврач благодарно уцепился.

– На будущее: ты не думай, а делай что говорят. В армии находишься, а не в филармонии, – проворчал Гончаренко, продолжая рассматривать останки поверженного врага.

– Ай, хорошо сказал, гражданин подполковник-начальник! Прямо чистая Савонарола.

Голос был совершенно незнакомый, и доносился он с той же стороны, откуда появился сталтех. Володя испуганно дернулся, заозирался, но Рахметов положил руку ему на плечо:

– Не суетись, Пилюлькин. Это свои. Партизаны.

Незнакомец был очень маленького роста, метр пятьдесят, не больше. Вернее, даже меньше, потому что лишние сантиметры ему добавляли массивный шлем и толстые подметки башмаков. Скафандр «партизана» был собран из совершенно несочетаемых, казалось бы, фрагментов. Основу составлял стандартный армейский костюм старого образца, уже упомянутый здоровенный шлем был от вовсе неизвестной модели ярко-красного цвета – пожарной, что ли, – а из многочисленных карманов, контейнеров и чехлов торчали совсем уж непонятные причиндалы. На поясном ремне с двух сторон висели большие пистолеты явно иностранного происхождения. В руке таинственный незнакомец держал неизвестный Рождественскому боевой агрегат, демонстративно направленный стволом в небо. Из ствола поднимался легкий фиолетовый дымок.

– Оппаньки, – сказал подполковник не слишком приветливо. – Гляди-ка – Бандикут. Каким ветром?

– Здоровеньки булы, гражданин подполковник-начальник, – с достоинством проговорил карла. – Здорово, мужики.

Никто не ответил. Военсталкеры разошлись в стороны, взяв окрестности под наблюдение, а таинственный Бандикут тем же тоном – спокойно, солидно, чуть насмешливо – продолжал:

– Зачем сталика-то моего раздолбали, орлы? Совсем делать нечего? Я его с утра скрадывал, между прочим!

– Так ты ж сам его в затылок хлопнул, – заметил подполковник.

– Что ж мне делать было, если он вашего доктора-врача ухватил? – обиделся новоприбывший. – Но в кашу я его не превращал, в отличие от вас.

– Слышал, док? – Гончаренко кивнул Володе. – С тебя бутылка. Вот кто тебя спас.

– Дождешься от вас, – безнадежно махнул рукой Бандикут. Сквозь замурзанный щиток шлема Володя видел только его сердитые бесцветные глазки и мохнатые брови, беспрестанно шевелящиеся, словно гусеницы.

– А на кой тебе сталтех-то понадобился? – поинтересовался Гончаренко.

– Есть люди, которые за них денег дают, гражданин подполковник-начальник, – терпеливо, как сумасшедшему, пояснил Бандикут. – В нормальной кондиции, конечно, а не за этот хлам... Нет, ну надо ж вам было так его порубить! Я ведь аккуратненько, в затылочек...

– А чего он был такой... неторопливый? – неожиданно для себя подал голос Рождественский, подбирая пистолет и вытряхивая из ствола набившийся песок.

Гончаренко аж крякнул от удивления – мол, не ты ли только что, испугавшись неторопливого, палил во все стороны и трясся аж до обморока? Володя почувствовал, что краснеет до самой макушки. Утешала его только мысль, что через стекло шлема это, наверное, не так заметно.

– Да глушеный потому что, – невозмутимо ответил Бандикут. Поняв по общему молчанию, что этой информации недостаточно, пояснил: – У них бывает фигня какая-то типа инфекции. Потому и глушеный. Здорового я бы один не стал отлавливать, что я, самоубийца? А этот мне утром подвернулся, я сразу усек – что-то с ним не то. Километра три шел следом, уже монету подсчитывал в уме. А тут вдруг вы нарисовались, черти... – Бандикут с ненавистью пнул еще подергивавшийся закопченный торс сталтеха.

– Ладно, проехали, – сказал подполковник, – а то сейчас еще компенсацию за понесенный ущерб попросишь. Скажи-ка лучше, раз ты тут с утра вертишься: не видал чего интересного?

– Тут на каждом шагу столько интересного, что наделать можно прямо в рейтузы, – солидно ответил Бандикут.

– Конкретизирую, – раздраженно сказал подполковник. – Сегодня теплоход с туристами пропал. Прямо у Тайваня.

– А, вон чего... То-то ваши тут вертелись – и вертушки, и катер... Вот вы зачем, гражданин подполковник-начальник. – Сталкер попытался пожать плечами, но в плотном скафандре это было не так-то просто. – Нет, теплохода не видал. Да и хрена ли вы его здесь ищете? На дне ищите, чё.

– Может, и на дне, – сказал подполковник. – А может, и не на дне. Ну а вот допустим – чисто теоретически: кому тут у вас может понадобиться целый теплоход народу? Полсотни человек почти что.

– Нашему брату сталкеру точно ни к чему, – покачал головой Бандикут. – В заложники? Возни не оберешься, да и нет у нас таких отмороженных, в Москве разве что... Баб – тех да, кто-нибудь мог подцепить. Но там же не целый теплоход баб был, не?

– Нет, не целый, – сдержанно согласился подполковник.

– Во. Потому, гражданин подполковник-начальник, если кому ваши туристы и надобны, то никак не Ордену. И не нам, дикарям. Остается кто? А остаются железяки и наники.

– И зачем им люди?

– А хрен их знает. Сталтехов делать. Или просто посмотреть, чего внутри. Интересно же. А может, ваших баб с теплохода жрут уже вовсю. Вот потеха! – Бандикут захихикал, не опуская ствол.

– Ладно, вали отсюда, клоун, – велел Гончаренко. – И не попадайся. Мужики не станут смотреть, кто там шастает – сначала пальнут, потом проверят, что за жмурик лежит.

– Знаю я ваши замашки, гражданин подполковник-начальник. Потому и живой до сих пор, – сказал Бандикут, развернулся на месте и, не прощаясь, скрылся за покосившейся бетонной плитой. Слышно было, как он карабкается по склону и что-то недовольно бормочет себе под нос.

– Кто это, товарищ подполковник? – спросил Володя осторожно.

– Бандикут, – задумчиво ответил Гончаренко. – Вольный сталкер.

– Бандикут... это вроде бандит?

– Это кличка, док. Зверь такой есть – длинноносый бандикут. В Австралии, что ли. Страшный, как вся моя жизнь.

– А... мы разве не должны были его задержать? – еще более осторожно уточнил Рождественский.

Подполковник косо посмотрел на него:

– Вообще-то мы его и уничтожить можем. С полным основанием, согласно инструкции командования. Имеем такие полномочия. Хочешь – догоняй и уничтожай. Или можешь задержать, если уничтожать своего спасителя жалко. Мы тебя тут подождем.

– Н-нет... – затряс головой Володя. – Я же не к тому спросил...

– А если не к тому, то учти на будущее, док: в Зоне человек человеку все же больший друг, чем все остальное. Поэтому иногда – подчеркиваю: иногда! – люди здесь друг другу помогают. Как Бандикут тебе сегодня. Хотя мы, конечно, и сами бы справились. Зря ты дергался.

Подполковник нагнулся, брезгливо порылся в обгоревших останках сталтеха и вытащил из груды лома небольшой прозрачный кубик. Подбросил на ладони, потом нашел на земле плоский камешек, положил на него находку и раздавил тяжелым ботинком.

– На всякий случай, чтоб никто из наших не позарился, – пояснил он. – И чтобы Бандикут потом не вытащил. Помощь помощью, а незаконные операции поощрять ни к чему.

Володя сообразил, что Гончаренко вытащил из сталтеха мю-фон – мощный имплант-передатчик, стоивший за Барьером больших денег и, естественно, запрещенный к выносу и тем более использованию.

– Отдохнули? – поинтересовался подполковник у спецназовцев. – Двигаем дальше.

Они неторопливо тронулись. Гончаренко ушел вперед.

– Насчет теплохода этого пропавшего, – неожиданно проговорил Рахметов. – Вроде с воды его сдернули, ага. Но ведь не было еще такого ни разу! Может, они просто на выворотень напоролись, а девчонке примерещилось? А народ с палубы действительно Орден снял... Откуда под водой механизм взялся?

– Там под водой чего только нету, – буркнул Кузя, зорко поглядывая по сторонам.

– Ты про деревни утонувшие, что ли? – поинтересовался Рахметов.

– Деревни – это фигня, братцы. Деревни те сгнили давно. А вот рассказывали мне здешние жители... ну, вернее, бывшие здешние жители, из тех, кто успел дёру дать во время катастрофы... так вот, поговаривали они, что тут под водохранилищем чуть ли не целое метро.

– Иди ты в пень, мистер Кузякин, – махнул рукой Водяной. – Метро – оно в самом Новосибирске было.

– Ну, не совсем метро, – поправился Кузя. – Короче, еще давно, полвека тому, кто-то видал, как в Обском море выдвинулся шлюз, прямо из воды, и на берег выполз. А из шлюза – танки. Выехали и поехали куда-то, а шлюз обратно спрятался...

– Поди, рыбаку какому спьяну привиделось.

– А грибы на Тайване тоже всем привиделись? – спросил Кузя.

Водяной замолчал, а военврач ничего не понял: зачем грибы? Какие грибы?..

– Однако всякое бывает, – покачал головой Водяной. – Грибы-то они, само собой, грибы. Но и фактор бухла нельзя не учитывать. Мне один раз после двух бутылок на голодный желудок почудилось, что на плацу не салабоны из пополнения маршируют, а самые настоящие боты. Ну, вы поняли – есть такие, на двух ногах, человекообразные.

– Это ты, Водяной, человекообразный. А боты – человекоподобные, – разумно заметил самый молчаливый в группе, военсталкер Чекрыгин, носивший редкое звание младшего лейтенанта. Видимо, разжаловали за какую-то провинность или, напротив, за небывалые заслуги повысили по максимуму из профессиональных старшин: так порой делали, если повышаемый не имел высшего образования, а учиться до полноценного лейтенанта не хотел. Чекрыгину с виду было хорошо за тридцать, так что второй вариант выглядел более реальным.

– Я помню, – оживился Рахметов. – Ты совсем дурак был, стрелять ботов хотел. Мы с ребятами тебя в душевой заперли.

– Ага, утром проснулся – смотрю, кругом кафель, вода капает... Думал, за мертвяка приняли и в морг снесли! – поведал Водяной, не прекращая во время своего поучительного рассказа внимательно контролировать местность.

– Я помню, как ты орал! – снова встрял Рахметов. – «Выпустите меня, дяденьки трупорезы, я живой!»

Все тихонько засмеялись.

– Баста, – сказал подполковник, – закончили политинформацию. – Потом переключил частоту и окликнул: – Коля?

Капитан Якубович не отвечал.

– Коля?! – уже с тревогой проговорил Гончаренко и снова переключился. – Константинов, как там обстановка?

– Нормальная, – отозвался с берега Константинов, ждавший у своего лазерного метателя. – Сижу, курю. Примус починяю.

– Из Колиной команды никто не появлялся?

– Тихо вроде.

– Да вот в том-то и дело, что тихо... – Подполковник выругался и скомандовал: – Все назад!

– Может, просто связь навернулась? – предположил Рахметов. – Тут сплошь и рядом такое.

– Может, и навернулась... Вот заодно и проверим, – отрезал командир.

Группа снова вышла к брезентовому пивняку.

– А ноги-то нету... – растерянно сказал Водяной.

– Хрен с ногой, где Якубович?! – рявкнул подполковник.

От кромки берега навстречу им катил на своем метателе Константинов. Затормозив, спрыгнул и сообщил:

– Ничего не видел, только Бандикут по самому гребню прошуршал. Я слыхал, как вы с ним встретились.

– Давай вперед, – озабоченно приказал подполковник, – вон туда, через баскетбольную площадку и наверх по склону. Мы за тобой.

– Есть, товарищ подполковник! – отозвался Константинов.

Еле слышно урча, метатель пополз к торчавшим из-за бугра верхушкам деревьев. Отряд устремился за ним, оставляя на сыром и сером песке рубчатые следы армейских ботинок. Заторопился и Володя, неуклюже поддернув «репку с маком».

– Надо бы аппарат проверить, товарищ подполковник! – крикнул он, припомнив, как «репка» жалобно хрустнула при ударе о бетонный блок.

– Потом проверишь, – жестко сказал Гончаренко. – Он сейчас без надобности.

В этот момент внезапно пошел дождь. Он гулко забарабанил по шлему и плечам бронескафандра, и пляж стал еще больше похож на осенний – унылый и всеми покинутый. Володя притормозил и оглянулся – вода Обского моря вскипала под дождевыми каплями, Барьер искрился, переливался, сразу став заметнее.

– Док! – заорали ему прямо в ухо. – Чего встал? В цирке, что ли? Смотри, клоуны утащат!

Подскочив на месте, лейтенант медицинской службы Рождественский бросился следом за уходящей группой, подгоняемый Рахметовым.

В полуметре от того места, где он стоял, из песка показались тоненькие серебристые щупальца. Вытянулись, осторожно, уворачиваясь от дождевых капель, потрогали оставшиеся следы и снова исчезли в песке.

Глава 2

Когда новоиспеченный лейтенант Володя Рождественский выбрал при распределении базу военных сталкеров «Колывань», бывшие курсанты посмотрели на него как на опасного идиота. Один из лучших на курсе по медицинской подготовке, Рождественский еле-еле вытянул физуху, стрелял так себе, в обязательных военных дисциплинах вроде тактики откровенно путался. Но по результатам выпускных тестов набрал количество баллов, позволяющее делать свободный выбор, – и захотел в военсталкеры.

Начальник Военно-медицинской академии, добрый генерал-майор Пирожок, огорченно вертел в пухлых руках рапорт Рождественского и рокотал:

– Вы хорошо подумали, товарищ лейтенант? Это вам не у бабушки ватрушки кушать, это Пятизонье, шашки-деревяшки!

Старик Пирожок был отличным хирургом, а потому носил в академии кличку Пирогов, благо настоящая фамилия у него уже и так звучала как кличка. Присловье «шашки-деревяшки» он вставлял к месту и не к месту, даже в торжественную речь на всеобщем построении к 23 февраля. Сейчас эти «шашки» звучали по-особому: с грустью и отеческой заботой.

– Ты пойми, шашки-деревяшки: это Пятизонье, – перешел на «ты» генерал. – Я там только с краю пару раз побывал, и то по ночам потом в кровати подскакивал, жену до полусмерти пугал. Думаешь, там как в сериалах по Первому общенациональному, шашки-деревяшки? Отважные герои побивают стальную нечисть, спасая прекрасных девушек и прочее мирное население? Черта с два, товарищ лейтенант! Это работа – грязная, кровавая и неблагодарная. Война, короче. А ты, шашки-деревяшки, тридцать раз еле подтягиваешься!

– Я же туда не подтягиваться еду, товарищ генерал-майор, – резонно возразил Рождественский.

Пирожок приумолк, пожевал толстыми губами, немного подумал.

– Это верно. Но зачем в самое пекло-то лезть? Вот смотри: в Африке миротворцы нужны. Там тоже стреляют. В Штатах – у них там опять Техас отделяться затеял, шашки-деревяшки, подмоги просят, полевых врачей не хватает. Чем тебе не по нраву?

– Я всегда мечтал о настоящей службе, – стоял на своем Володя. – А в Штатах так в госпитале и просижу. Эка невидаль – Штаты... Ну, можно мне в военсталкеры, товарищ генерал-майор? По правилам не имеете никакого права отказать.

– Какой вы, однако, настырный, лейтенант, – снова перешел на «вы» Пирожок. – Правила он, видите ли, знает...

Генерал еще раз внимательно прочел рапорт (Володя все это время стоял по стойке «смирно»), запыхтев, вывел: «Направить согласно рапорту» – и размашисто подписался.

– Удачи, лейтенант, – сказал он, вставая из-за стола и пожимая Рождественскому руку.

Когда Володя отдал честь, развернулся и по-уставному вышел из кабинета, забыв, разумеется, спросить: «Разрешите идти?», старенький генерал повернулся и посмотрел на стену. Среди вымпелов и флагов там висел голографический снимок в черной траурной рамке: веселый молодой парень без шлема, в обшарпанном бронескафандре с капитанскими звездами, на заднем плане – БМП на воздушной подушке «Ирбис» и тускло мерцающий Барьер...

Парень был очень похож на генерала.

* * *

Володя Рождественский видел кадры спутниковой съемки пострадавшего Новосибирска и Академгородка. Зрелище было неприятное, словно лицо человека, изъеденное язвами,

сквозь которые наружу проступают зубы, хрящи и кости – на практикумах по экзотическим заболеваниям подобные лица показывали регулярно. Чаще всего это были обитатели Африки и Азии, но недавняя вспышка гангренозно-водяного рака в Орловской области наглядно продемонстрировала, что самая невероятная экзотика перестает быть таковой.

В данный момент лейтенант Рождественский стоял на краю омерзительного безобразия, в которое превратился ведущий научный центр России, и пялился на знаменитый холм, выросший на месте городка. На вершине холма кружилось вихреобразное образование – тамбур.

На одном склоне поблескивали битым стеклом развалины Торгового центра, на другом – упавшее плашмя и рассыпавшееся здание гостиницы. Володя вспомнил, что у гостиницы было сказочное название «Золотая долина». И улица еще была такая неподалеку – Золотодолинская. С названиями улиц в бывшем Академгородке вообще было хорошо: улица Академическая, улица Ученых, Цветной проезд, Морской проспект... Последний вел прямиком к пресловутому Обскому водохранилищу, которое обитавшие тут до катастрофы местные жители трогательно именовали морем. До катастрофы здесь было красиво – сосновый лес, уютные коттеджи, ботанический сад. Володя видел фотографии разных лет. Нет, их не показывали на лекциях, зачем? Их Рождественский сам нашел в Интернете, уж очень было любопытно – что же здесь находилось до того, как все накрылось медным тазом...

До того было очень хорошо. Мирно. А теперь – этот уродливый апокалиптический холм, развалины домов вперемешку с высохшими стволами поваленных сосен... Словно поиграл гигантский ребенок – раскидал кубики, разбросал домики, растоптал клумбочки. Чего-то не заметил, и оно осталось невредимым. К примеру, вон там, километрах в трех отсюда – белый пятиэтажный кирпич здания Института ядерной физики. Точнее, бывшего Института ядерной физики. Поди ж ты, вокруг все перекручено, а в институте даже оконные стекла целы... Поблескивают.

Все это Володя тоже видел в учебных фильмах и на картинках, но одно дело – таращиться на экран в темной учебной аудитории, слушая, как за спиной похрапывает нерадивый курсант Бондарев, и совсем другое – стоять сравнительно недалеко от эпицентра этого чудовищного катаклизма, разом перечеркнувшего тысячи жизней.

– Идем, идем, – поторопил Рахметов. – Не надо стоять, идти надо!

– Погоди, Рахмет, – неожиданно осек подполковник. – Пусть док пару секунд посмотрит, попривыкнет. Не помнишь, как сам таращился в первом рейде на развалины ТЦ? Ускорение к пятой точке пришлось применять.

Кто-то утробно хохотнул и тут же утих, потому что смешного сейчас было в общем-то мало. Группа Якубовича не отзывалась, что с ней – никто не знал. Возможно, и в самом деле проблемы со связью, но почему тогда ребята не вернулись на пляж? Да и куда они могли двинуться без согласования с подполковником?

– Все, идем, – Гончаренко толкнул военврача в плечо. – На тамбур вообще лучше зря не глазеть. Всякое случается.

– Что именно, товарищ подполковник?

– Всякое, – многозначительно повторил Гончаренко. Тон сказанного был таким мрачным, что Володя поскорее отвернулся от холма, зажмурился и зачем-то даже потряс головой.

Они цепочкой двинулись среди высоких куч битого кирпича, перемешанного с галькой и древесной щепой. Аномалий-ловушек (вернее, их характерных признаков, изученных на специальном факультативе) Рождественский пока не замечал; впрочем, в Академзоне их по каким-то причинам было значительно меньше, чем в других четырех. Зато там и сям хищно простирали свои острые ветви заросли металлокустарника, над некоторыми подрагивали едва заметные разноцветные облачка химических испарений. Рождественский из того же факультатива помнил, что такие кустики лучше обходить стороной: испарения эти ядовиты

и очень активны, порой разъедают перчатку или башмак боевого скафандра за десять-пятнадцать секунд. Кое-где в изломах металлических ветвей прятались «почки» – гнезда созревающих скоргов.

– Да, может собственных платонов и быстрых разумом автонов российская земля рождать, – пробурчал кто-то из военсталкеров, вдохновленный картиной.

– Да ты никак стихоплет, Водяной? – удивился Гончаренко.

– Это Ломоносов, товарищ подполковник. С моими дополнениями на злобу дня.

– Значит, эрудит, – злорадно сказал Гончаренко. – Вернемся, заставлю стенгазету оформлять. Замполит уже задолбал своими замечаниями: почему, дескать, стенгазеты до сих пор нет? А док тебе статью напишет – что-нибудь о личной гигиене бойца, например. Напишете, док?

– Алгоритм смены неисправного мочеприемника в полевых условиях, – предложил тему Константинов, медленно ехавший в арьергарде на своем лазерном метателе. Военсталкеры снова невесело засмеялись, а Рождественский подумал, что тема эта довольно актуальна. Действительно, отправлять естественные потребности в Зоне – сложное занятие: тот же радиационный фон никоим образом не способствует оголению любых частей тела, не говоря уже о многих чисто специфических факторах. Еще в Академии Володя слышал популярную байку о том, как на Казантипе один неосторожный сержант присел по нужде, и ему прямо в задницу тут же влез мини-биомеханизм. Скорее всего, врали, но проверять на практике правдивость этой истории никто не собирался. К тому же бронескафандр заботливо оснащался простенькой системой регенерации – даже скорее накопления, потому что использованные ассенизационные боксы необходимо было сбрасывать по мере заполнения. Лишь малая часть отфильтрованных отходов шла на пополнение запаса питьевой воды и в систему охлаждения скафандра.

Военсталкеры шли молча, только кто-то еле слышно насвистывал модную песенку, отчаянно фальшивя. Эта навязчивая пакость почему-то все время звучала по радио на КПП. Наученный недавним горьким опытом Володя то и дело поглядывал на датчик, но тот ничего не фиксировал. Зона вокруг была мертва.

Внезапно ожила связь – Рождественский от неожиданности едва не подпрыгнул.

– ...Игорь, Игорь! Отвечай, Игорь! – откуда-то издалека, словно со дна глубокого колодца, донесся голос капитана Якубовича, то и дело пропадая в скрежещущих помехах. – Игорь, ответь! Мы... шрх-х-х– х-х-х – х-х-х-х... под землей! Тут такое... Повторяю, они ушли под... хр-р-р-р-р– р-р-р-рш-ш– ш-ш... Ранен, потеряли троих... хр-р-р-р-р-р– р-р-р-р – р-р... сука, мы не удержимся, быстрее... ш-ш-ш-ш– ш-ш-ш-ш-ш– ш-ш-ш...

– Коля?! – тревожно окликнул Гончаренко, но связь прервалась так же неожиданно, как и появилась. – Коля! Коля, я Первый, отвечай! – монотонно повторял подполковник в пустоту.

Цепочка военных замерла на небольшой высотке, состоящей сплошь из битого кирпича и бетона. Слева среди разнокалиберных оврагов и воронок торчала корявая сосна с зеленеющими на самой верхушке клочками хвои, справа к Академическому холму тянулась пологая равнинка, а впереди виднелись какие-то совсем невообразимые бесформенные руины. Гончаренко продолжал тщетно вызывать капитана, потом озабоченно сказал:

– Привал – минута. Клювами не щелкаем. Стоим, отдыхаем, а я пока свяжусь с отцами-командирами...

Военсталкеры заняли оборону, собравшись в кружок. Володя, естественно, очутился в самой середине, а подполковник отошел в сторонку и присел на раскрошившуюся плиту с зияющим оконным проемом.

Рождественский боязливо поежился: в голосе обычно спокойного и даже флегматичного капитана Якубовича он услышал леденящий душу ужас. «Под землей»... Куда ж это их занесло?

– Куда ж их занесло? – озвучил кто-то из военсталкеров тревожные мысли военврача. – В канализацию, что ли? Где их теперь искать?..

– Может, и в канализацию, – легко согласился Константинов. Он вопреки всем инструкциям приподнял забрало шлема и закурил, картинно облокотившись на облезлую турель метателя. – Здесь полно подземных коммуникаций, и не факт, что после Катастрофы их засыпало. Серега Плетнев рассказывал, они как-то спускались в коллектор.

– Кто их туда понес? Какой шайтан? – угрюмо спросил Рахметов.

– Я не спрашивал, какой именно шайтан, а Плетень бы и не ответил, потому что с ними особисты из Москвы ходили. Поди, бумагу о неразглашении подписывал.

– Да тут везде одно сплошное неразглашение, – мрачно сказал Кузя. Этот плотный, даже толстоватый лейтенант стоял рядом с Володей и все время громко сопел. Военврач сделал для себя мысленную отметку: по возвращении проверить состояние носоглотки, может, Кузе перегородку надо оперировать. Хотя о каком возвращении сейчас можно думать? Рождественский искренне поражался спокойствию членов группы. Только что пропали их товарищи, Якубович сообщил нечто странное и пугающее, возможно, погиб, где-то идет бой, а они стоят, рассуждают...

Хотя что делать-то? Стрелять?

А в кого?

Бежать на выручку?

А куда?

И вообще команды не было. Руководству виднее, когда надо бежать и стрелять. А поскольку руководство в данный момент связывалось с вышестоящим командованием, вопрос, судя по всему, и вовсе вышел непростой. Отправившись на поиски в таком опасном месте, запросто можно угробить и остаток команды. Рождественский ничуть не удивился бы, если бы командование сейчас велело Гончаренко немедленно сворачивать операцию и срочно возвращаться на базу, забыв про группу Якубовича.

– Убили базар, – деловито ворвался в беседу подошедший тем временем подполковник, засовывая в нагрудный карман сигаретную пачку рации. – Значит, алгоритм такой: живо выдвигаемся вон к той страшненькой сосне, там будет лощинка, отсюда ее не видно. Дальше объясню. Готовность номер один. Конь – первый.

Константинов выбросил окурок, лихо развернул метатель, шваркнув из-под гусениц щебенкой, и покатил к одинокому корявому дереву. Остановившись там, он снова развернулся и замер, направив ствол метателя выше голов приближающейся группы.

Военсталкеры с оружием наизготовку один за другим длинными перебежками бросались к указанному маркеру, внимательно глядя по сторонам. Рысцой приблизившись к несчастной сосне, Володя осторожно потрогал больную, уродливую кору. Странно было видеть в Зоне нечто живое. Как оно тут продержалось столько времени, бедное дерево? Его соплеменникам, судя по валявшимся вокруг огрызкам стволов, повезло куда меньше.

– Не трогай ничего, Пилюлькин! – рявкнул Рахметов. – Укусит!

– А теперь диспозиция, – громко сказал подполковник. – Я связался по красной линии с командованием. Нам приказано действовать по обстоятельствам, а обстоятельства вы знаете: группа капитана Якубовича, судя по тому, что успел сообщить Коля, находится под землей. Здесь много чего осталось, еще со времен Советского Союза. Тогда строили на века, к тому же все, что касалось обороноспособности, во-первых, секретилось, а во-вторых, проходило тройную проверку качества. Поэтому коммуникации сохранились, хотя частично, конечно, завалены и разрушены. И что в них за это время завелось – сам господь не ведает... – Было

отчетливо видно, что действовать по обстоятельствам Гончаренко смертельно не хочется, поэтому он подсознательно тянет время, разливаясь соловьем.

– М-мы... под землю полезем? – вырвалось у Володи. Прозвучало это робко и испуганно, Рождественский тут же устыдился, но его неожиданно поддержал Кузя:

– Игорь Захарович, нас же слишком мало. То есть я не против, но мы ж не знаем, куда именно пошел Якубович с братвой. Как мы его найдем?

– Повторяю: действовать будем по обстоятельствам, – сухо сказал подполковник. – Куда именно пошел Якубович – примерно известно, там кто-то успел маячок врубить, даже идентифицировать не успели, кто именно... Но точку наши засекли, и я теперь примерно понимаю, куда Коля влез – или куда его загнали. С этой стороны попроще, это в районе институтов и университета целые лабиринты. Собственно, если кто-то против, могу отпустить желающих, но до берега пойдете без сопровождения, а там ждите вертолет. Ну, Кузякин?

– Да вы что, Игорь Захарович... – опешил Кузя. – Я же просто так...

– А если просто так, – сказал Гончаренко, – тогда спускаемся в лощинку и открываем люк. Он там должен быть, но сверху могло мусором и щебнем присыпать. На неизбежный вопрос: «А откуда вы, товарищ подполковник, знаете про люк?» – ответ придумайте сами.

– Но, товарищ подполковник... – начал было Константинов, однако командир предупреждающе поднял руку:

– Я же сказал – придумай сам.

– Нет, я про другое, – не унимался Константинов. – Метатель куда девать? Или он в люк пройдет?

– Не пройдет он ни хрена, Конь. Метатель оставим здесь. На обратном пути заберем, а если не сможем забрать – спишем как боевую потерю. Он все равно не новый, после капремонта.

– Това-арищ подполковник! – умоляюще протянул Константинов. – Да я его с турели сниму и на себе понесу!

Чекрыгин присвистнул.

– Сорок кило? – с сомнением прищурился Гончаренко. – А дотащишь?

– Тридцать два, – уточнил лейтенант. – Я прицельное устройство сниму, на кой бес оно в тоннелях? И охладитель.

– Все равно не допрешь, хоть ты и Конь, – покачал головой старик Чекрыгин.

– Я помогу, товарищ подполковник, – решительно сказал Володя Рождественский.

К нему вопросительно повернулось пять голов в армейских шлемах.

– Вот! – обрадовался Константинов. – Доктор поможет. Там же батареи можно отстегнуть, я понесу метатель, а док – батареи.

– Хорошо, принимается, – кивнул подполковник. – Снимай свою дуру с турели, а вы, док, помогайте. Водяной, на контроле. Остальные – за мной, искать люк.

Военсталкеры шустро спустились в лощинку. Володя проводил их взглядом и вернулся к Константинову, который открыл ячейку ремкомплекта в станине метателя и уже снимал турель, орудуя торцевым ключом. Водяной мрачно стоял рядом и озирал окрестности, поводя вытянутой рукой с армганом.

– Вот тебе батареи, док, – сообщил Константинов, вручая Рождественскому продолговатые коробки оливкового цвета с разъемами. Коробки весили прилично, и Володя только теперь понял, что тащить и их, и злополучную «репку» будет очень тяжело. Этот же нехитрый вывод сделал и Константинов, который посоветовал:

– Сними ты свою амбулаторию. Сроду не видел, чтобы от нее толк был, а весит как танк. Тем более ты ее об камень покоцал, когда тебя сталик схватил. Кинь вон под сосенку, на обратном пути заберем. Если ее наники к тому времени не растащат, само собой.

Пожав плечами, Володя снял «репку» и аккуратно положил возле корней. Осматривать пострадавший в схватке со сталтехом аппарат он не стал – некогда и незачем. К тому же у него имелась и несанкционированная аптечка – это уж на совсем печальный случай.

– Держи, – Константинов извлек из все той же станины матерчатые чехлы. – Они вообще-то не от батарей, но по размеру подходят. Засунь батареи, повесь на плечо и носи, не на руках же их нянчить.

Последовав дельному совету лейтенанта, Рождественский запихал тяжелые коробки в чехлы, повесил на плечи наподобие почтальонских сумок прошлого века, попрыгал для проверки – достаточно удобно, идти почти не мешает.

– Долго возитесь, – сердито сказал в наушнике Гончаренко.

– Готово, товарищ подполковник! – бодро отозвался Константинов и взвалил на плечо метатель.

Они поспешили к остальным, которые уже стояли возле открытого люка. Рифленая металлическая крышка была откинута на массивных петлях, вниз уходил и терялся в темноте тоннеля пологий цементный пол.

– Как это обитатели Зоны железяку не утащили? – задумчиво сказал Кузя.

– Значит, нужна она им. Двери в хату закрывать, – ответил Чекрыгин. Прозвучало это довольно зловеще, и Володя невольно опять завертел головой в поисках того, кто тут двери закрывает.

– Вперед, – приказал подполковник, дав понять, что дискуссия окончена. – Я – первый, потом Конь с доком, дальше Кузя, Рахмет, Чекрыгин. Водяной – замыкающим. Люк за собой закрыть.

Мысленно перекрестившись, Володя Рождественский подождал, пока Константинов двинется вслед за подполковником, и тоже полез в темноту. Автоматически включился фонарик на лобовой части шлема, высветил неровные стены, по которым змеились провода в толстой оплетке. За спиной залязгала закрываемая крышка, Водяной выругался:

– Твою мать, чуть палец не прищемил!

Семь фонарей давали вполне сносное освещение. Датчики молчали – то ли тоннель впереди был пуст, то ли они попросту не работали под землей. Володя, разумеется, надеялся на первое. А вот Гончаренко, судя по всему, уверен не был, потому что скомандовал:

– Конь, будь начеку. Если там чего зашебуршится, сразу открывай огонь, да смотри мне башку не снеси. Остальные тоже поаккуратнее, армган рикошета не дает, но хрен знает, куда луч может ударить. Бликом тоже поджарить можно, были такие грустные случаи. – Подполковник секунду помолчал и добавил устало: – Ну, с богом, ребята. Если Коля и остальные живы, мы обязаны их найти.

Они двинулись вперед довольно быстрым шагом. Топот тяжелых башмаков эхом отдавался в ушах. Пыхтящий под тяжестью метателя лейтенант Константинов бормотал:

– Артиллеристы, Сталин дал приказ... Артиллеристы, зовет Отчизна нас... За слезы наших матерей из всех наличных батарей по биомеханизмам огонь, огонь! Ты, док, если что, батареи мне пошустрее подавай, я крикну, когда надо будет. Если вдруг обматерю в горячке, не серчай. Тебя звать-то как?

– Володя, – сказал Рождественский. Они уже знакомились, когда пили пиво в баре, но Константинов, похоже, уже все позабыл.

– Вован, короче. А я Толик. Извини, руку потом пожму, а то тяжело.

– Да ничего. Слушай, а откуда подполковник про этот люк проведал?

– А черт его знает. Палыч вообще человек таинственный, но командир толковый, каких поискать. Может, осведомители шепнули. Тот же Бандикут, к примеру. Не наше это дело, Вован. А ты-то как в первый раз? Еще и на сталика нарвался, страшно небось?

– Страшно, – неохотно признался Володя. – Думал, все. Утащит, и буду потом по Зоне ковылять с полными мозгами наноботов, как механическое чучело...

– Да никуда бы он тебя не утащил. Один сталтех на пять... ну, на четыре человека со стволами – не боец. Положили бы его, и ничего бы он тебе не сделал.

– Все равно страшно.

– Не видал ты, Вован, страшного, – со вздохом произнес Константинов. – Мне по контракту чуть меньше года осталось тут трубить, рассчитаюсь – и куда-нибудь в Африку. База миротворцев в Кейптауне, прикинь! Океан, пиво холодное, негритяночки... И никаких долбаных роботов, что самое главное.

– Мне в Академии предлагали, – рассеянно сказал Володя, поправляя ремни от чехлов с батареями. – Я отказался. Сюда хотел.

– Ты чего, контуженный? – опешил Константинов. – Вот прямо так взял и забил на Африку?! А здесь-то тебе что понадобилось? Ну, боевые платят, аккордные... Нет, не стоит оно того.

– Долго рассказывать. Семейные проблемы.

– А. Бывает. – Константинов сообразил, что расспрашивать дальше не стоит, и снова что-то забубнил себе под нос.

Володя на ходу отвел рукой свисавший с потолка обрывок провода и запоздало испугался:

– Ч-черт... Это не виселица была?!

Виселицами на местном сленге именовались обжитые скоргами провода, способные схватить и в пару секунд придушить прохожего. Подполковник Пронин на факультативе рассказывал о них жуткие вещи. Собственно говоря, подполковник вообще ничего, кроме жутких вещей, про Пятизонье не рассказывал.

– Во-первых, виселицу датчик ловит, – наставительно сказал Константинов. – По приборам идем, командир сканирует местность. Во-вторых, если датчик вдруг валяет дурака, виселица среагировала бы на первого в колонне. Не дрейфь, медицина, все под контролем.

Сокрушенно покачав головой, Рождественский увеличил мощность фонарика.

Тоннель ничуть не менялся, хотя продвинулись они уже метров на триста: влажные голые стены, кабели в толстой черной изоляции, распределительные щиты, упрятанные в поржавевшие металлические коробки с непонятными аббревиатурами и цифрами, нарисованными масляной краской. В выбоинах пола поблескивали лужи воды, да и в целом воздух в тоннеле был сырой и тяжелый. Рождественский с надеждой подумал, что металлическим монстрам здесь тоже должно быть неуютно. Влага вредна для их здоровья. Впрочем, антикоррозионные покрытия и нержавейку пока еще тоже никто не отменял...

– Стоп! – скомандовал Гончаренко.

Володя сделал по инерции еще пару шагов и едва не врезался в широкую спину подполковника. В свете фонарей он сразу увидел причину остановки – тоннель пересекался с другим, куда более просторным. Собственно, второй тоннель был скорее огромной норой с земляными стенами и полом из утрамбованной бетонной крошки, в которой легко разминулись бы два железнодорожных состава. На плотной глинистой почве виднелись следы то ли ковшей, то ли роторов, словно тут не так давно прошел горнодобывающий комбайн.

– Раньше здесь этого не было, – задумчиво пробормотал подполковник.

– Вот это мы удачно зашли! – с восторгом в голосе воскликнул Кузя, протискиваясь между стеной и плечом военврача. – Я же говорил, что метро! А вы не верили.

– Да не метро это, – раздраженно сказал Гончаренко. – Раньше был обычный тоннель, чуть пошире того, по которому мы шли. А потом его кто-то расширил, причем изрядно... На хрена, спрашивается?

– Биомехи, – не то спросил, не то заключил Чекрыгин.

– Больше некому. Не сталкеры же... – Подполковник на миг задумался. – Так, ребята, если я правильно сориентировался, то если мы пойдем налево, придем в Институт ядерной физики.

– Вот уж куда нам точно не надо, – сварливо буркнул Водяной.

– Не надо, – согласился Гончаренко. – Поэтому мы пойдем направо. Тем паче что это получится примерно навстречу нашим.

– Направо пойдешь – Коня потеряешь! – брякнул Водяной, толкнув Константинова локтем в бок.

– Иди ты в пень, мистер Водяной! – сердито ответствовал лейтенант на манер самого Водяного.

Подполковник снова двинулся первым. За ним, чиркнув по бетону тоннельной арки стволом метателя, затопал Константинов. Володя поторопился следом, сделав несколько глотков витаминизированной воды и ощутив, как она стекает по пищеводу в пустой желудок. А ведь он даже позавтракать не успел: пока на рынок бегал за продуктами, пока то да се, решил уже не перебивать аппетит, дождаться азу... Вот и пожрал, блин. В контейнере скафандра, конечно, имелся сухпай, а рядом с поилкой торчал гибкий наконечник, из которого при желании выдавливалась сладковатая и сытная ореховая паста, но разве это еда? Володя тяжело вздохнул, в желудке что-то жадно заурчало и заворочалось. Рождественский вспомнил, как бабушка рассказывала, что в животе крикун сидит: захочет есть – начинает кричать, пока не накормят. Володя по малолетству очень боялся и потому хорошо кушал, чтобы не доводить крикуна до истерики...

Военврач с отвращением зачавкал липкой пастой.

Шедшие позади Рахметов и Кузя вполголоса затеяли спор насчет того, кто и как рыл данный подземный ход.

– Тут к северу, на бывшей станции Сеятель, музей железнодорожной техники был, – убежденно говорил Кузя. – Оттуда и приползло. Там и локомотивы, и паровозы, и снегоочистители – всякой твари по паре. Прикинь, что из них могло вырасти!

– Какой паровоз-шмаровоз, тут даже рельсов нет! – возражал азартный Рахметов.

– Ты видел биомеха на гусеницах, который в руинах желдорвокзала в Новосибирске бесчинствует? При жизни тепловозом был, между прочим. Наники – они такие, что хочешь придумают.

Володя выпил еще немного водички, чтобы смыть жирную ореховую пленку с языка. Повертел головой – на стене мелькнула корявая надпись, сделанная чем-то темно-красным: Romero must die! Военврач даже не успел прикинуть, что бы это могло значить, потому что Гончаренко вдруг заорал:

– Огонь!!!

– Ложись! – нечеловеческим голосом взвыл Конь.

Мощная вспышка метателя на мгновение ослепила Рождественского. Он прижался к стене, вцепившись обеими руками в чехлы с запасными батареями.

Военсталкеры наперебой загалдели:

– Вон они, суки!

– С потолка! По потолку бегут!

– Ай, шайтан!..

Проморгавшись, Володя все равно ничего не обнаружил. По стенам и потолку земляного тоннеля метались лучи фонарей, и только нарастающий стрекочущий звук, словно одновременно заработали сотни заводных игрушек, говорил о том, что, кроме людей, здесь есть кто-то еще.

А потом Рождественский их увидел.

Металлические пауки размером с овчарку бежали по стенам и потолку, посверкивая ярко-зелеными фасеточными глазками. Длинные многосуставчатые лапы с когтистыми пальчиками на концах ловко цеплялись за глинистую поверхность, а вместо челюстей у каждого искрилась электрическая дуга.

– Это рабочие боты, не боевые! – прорвался сквозь шум рев подполковника. – Близко не подпускайте! Они сваркой бьют!

Константинов с рычанием провел пульсирующим лучом метателя по стене, сметая ботов, градом посыпавшихся вниз. Кто-то швырнул далеко в глубь коридора плазменную гранату – оранжевое пламя вспыхнуло, снова на миг ослепив Володю. Откуда-то кубарем вылетело оплавленное тело паука, врезалось в колено военврача, и тот, судорожно дернув ногой, отфутболил механическую тварь обратно.

– Батарею, твою мать!

Это был все тот же лейтенант Константинов, грубый в горячке боя, как и было обещано. Володя поспешно выволок из чехла тяжелую коробку батареи и сунул Коню. Тот отщелкнул использованный заряд, вставил новый и опять принялся зачищать стены. Отряд потихоньку отступал назад, стараясь оставлять между собой и наступающими ботами безопасное расстояние при помощи непрерывного огня.

Внезапно сверху посыпалась земля, потом потолок просел и обрушился прямо на головы военсталкеров. Вместе с потолком хлынула новая партия металлопауков. Военврач с ужасом увидел, как в паре шагов от него несколько ботов вцепились манипуляторами в Водяного и поволокли в разные стороны. В наушниках завибрировал жуткий вопль, прервавшийся не менее кошмарным бульканьем – один из пауков отхватил военсталкеру голову и покатил прочь, поддавая свободными ногами, словно мяч или шар для кегельбана.

Прямо над доктором по стене скользнул луч метателя, на плечи Володе посыпались спекшаяся глина и детали бота.

– Не стой как баран! – завопил Константинов, прижав щиток своего шлема к щитку Володиного. – Стреляй!

Рождественский врубил арман и открыл огонь. Специально искать цели не приходилось – уродливые суставчатые создания метались по стенам и потолку в лучах фонарей и бликах арманов, отвратительно треща и стрекоча. Вместе с матерщиной военсталкеров это создавало совершенно апокалиптическую какофонию.

Он не видел, попал в кого-то из юрких биомеханизмов или нет. Старался в основном не попасть в своих. Блестящие механические твари с верещанием плавились, разлетались яркими брызгами, рассыпались на составные части...

– Батарею!!!

Отброшенным использованным зарядом Конь едва не зашиб Рождественского, с трудом успевшего отскочить. В свете фонаря промелькнул Чекрыгин – левой руки по локоть у него не было, а в правой он сжимал боевой нож и пытался сбить им с себя бота, плотно обхватившего торс младшего лейтенанта своими мерзкими ногами. У Володи перед глазами сразу мелькнули строчки учебника: бронескафандр в случае такого увечья автоматически накладывает пневможгут выше раны, так что кровопотери можно пока не бояться... Потом вколоть обезболивающее, антибиотик, покрыть раневую поверхность гемогелем...

От врачебных мыслей Рождественского отвлек подполковник, снова перекрывший дикий шум сражения командой:

– Отступаем! Бегом!!!

Володя до сих пор не ощутил всего ужаса ситуации. Кровавое мельтешение боя вокруг напоминало скорее новый голливудский 3D-боевик или продвинутую компьютерную игру с полным эффектом присутствия, нежели реальную схватку здесь и сейчас. Рождественский всегда сразу врубал подобные игрушки на самый сложный уровень и, еще не успев нарабо-

тать необходимых навыков для прохождения, некоторое время оторопело наблюдал за происходящей вокруг убийственной суетой компьютерных монстров и враждебных головорезов, успевать реагировать на которую не было никакой возможности. Однако приказ есть приказ: автоматически подчинившись, Володя бросился прочь, во тьму тоннеля, спотыкаясь и оглядываясь через плечо. За ним бежали остальные члены группы. Прикрывали отход Гончаренко и Константинов со своим метателем.

Стоп! А батареи?!

Рождественский затормозил, по инерции пробежав еще несколько шагов. Ему до сих пор совсем не было страшно: встреча со сталтехом показалась куда более жуткой, чем эти игрушечные роботы. А может, в кровь просто выплеснулся адреналин – ведь Володя только что видел, как эти игрушки в клочья разодрали Водяного и изувечили Чекрыгина...

– Толя! Батарея! – крикнул он, задыхаясь.

– Вовремя ты! Я думал, свалил без оглядки! – рявкнул в ответ Константинов, выхватив из рук помощника заряд и зашипев от боли. Перчатки его бронескафандра свисали лохмотьями, и военврач вспомнил, что Конь снял с метателя систему охлаждения, а при таком темпе стрельбы не выдерживает даже термостойкая ткань. Ожоги второй, а то и третьей степени. Что там на этот случай в аптечке? Антиожоговая мазь, еще раз обезболивающее, снова антибиотики... жидкий аэрозольный бинт-пленка...

– Да их тут сотни! – раздался в наушниках потрясенный вопль Рахметова.

Слева подполковник Гончаренко методично, как в тире, отстреливал набегавших металлопауков, паля сразу из двух армганов, с двух рук. Бравому командиру не хватало только сигары, чтобы совсем походить на героя старого фильма про вьетнамскую войну.

Прокравшийся понизу паук внезапно плюнул в Гончаренко длинной струей сварочного огня, и Володя с ужасом увидел, как мгновенно потемнела и запеклась обожженная кожа на щеке подполковника. Командир взвыл, выронив один армган, и вскинул освободившуюся руку к лицу, но так и не коснулся ожога толстой перчаткой, сумев остановить ладонь в сантиметре от пострадавшей скулы.

– Получай, гадина! – сорвавшимся голосом возопил военврач и выпустил в коварного бота ползаряда одним махом. Паук растекся по цементу серебристой лужей, а подполковник крикнул, кривясь от боли и все еще прикрывая рукой изуродованную половину лица:

– Так держать, док!

Он тут же шагнул в сторону и скрылся из поля зрения Володи, а Константинов самостоятельно выдрал из чехла на плече Рождественского последнюю батарею. Даже на таком расстоянии врач почувствовал, как от метателя пышет жаром.

Банг!!!

Прямо в грудь Володе врезался паук, бросившийся на него со стены. Удар вышел не очень сильный – когда в Академии Рождественский гонял мяч за футбольную команду курса, со штрафного порой попадали и посильнее, – но военврач не ожидал толчка и опрокинулся на спину, гулко ударившись затылком шлема о твердый пол тоннеля. Пробежав по нему паучьими лапами, бот унесся вслед за отступающей группой, за ним прострекотали еще дюжины две маленьких механических монстров, и неожиданно стало тихо и темно.

Видимо, от удара Володя на минуту потерял сознание – не могло же все вокруг измениться так внезапно? В голове гудело, но Рождественского не тошнило, значит, не сотрясение. Или сотрясение, но слабое. Военврач попытался вскочить, но ничего не вышло – его повело в сторону, и он мягко повалился обратно на пол.

Да и вскакивать было уже ни к чему. Рождественский прислушался – тишина. Бой явно завершился чьей-то победой. Видимо, Володя лежал без чувств куда больше минуты. За это время боты вполне могли перебить оставшихся членов группы. Но почему они тогда не тронули беспомощного военврача?

Другая версия, господа офицеры: он валялся без сознания, а военсталкеры решили, что он мертв, и ушли. Стало до боли обидно: как же так?! Группу Якубовича искали, рисковали, спустившись под землю, а его – бросили?..

Нет, нет! Такого просто не может быть. Они бы наверняка проверили, что с Володей, есть же датчик жизненно важных функций, в конце концов, они знают инструкцию...

Но тогда ситуация еще хуже. Потому что это означает, что группы подполковника Гончаренко нет в живых.

Лейтенант заерзал и осторожно сел, упершись руками в пол. Голова по-прежнему кружилась, но в целом он чувствовал себя вполне сносно. Фонарик не работал. Мог отказать фотоэлемент, автоматика – штука тонкая. Вспомнив тренинг, Рождественский нашел на плече щиток управления, сдвинул крышечку и активировал фонарик вручную. Тот с готовностью вспыхнул, осветив участок пола, на котором валялся посеченный лучами армганов паук-бот. Биомеханизм напомнил Володе японские конструкторы, которые в детстве ему покупал отец. Подобные жуки, скорпионы и прочие гнусные твари при помощи маленького гаечного ключика и такой же миниатюрной отверточки собирались из металлических деталек. Но те не двигались, а эти...

Хотя и эта тварь больше не двигалась. Внутри поблескивающего сегментированного тела что-то еле слышно гудело, в злобных глазках изредка вспыхивали зелено-синие искорки, но паук явно был мертв – если этот термин вообще годился в отношении биомеханического порождения Зоны.

Сглотнув слюну, Володя откашлялся и попытался встать на ноги. С трудом, но ему это удалось. Опершись о стену, он попытался найти свой армган, но оружия нигде не было. Военврач даже не помнил, что произошло с лазером – может, он выронил его, когда отдавал Константинову батарею? Или потерял, уже когда упал, а потом армган утащили боты?..

Володя осмотрелся и обнаружил, что дохлых пауков вокруг валяется несколько. Одни оплавленные, превращенные практически в слитки металла, другие – порезанные на части. Трупов, вопреки ожиданию, не обнаружилось – только лужа подсохшей уже крови, размерами наводящая на мысль о повреждениях, не совместимых с жизнью. Рождественский припомнил, как разорвали и растащили на куски Водяного, и угрюмо покачал головой. Отсутствие трупов совершенно ни о чем не говорило.

Военврач побродил взад-вперед, посветил вокруг и нашел привалившегося к стене Рахметова. Смуглый лейтенант был мертв: шлем разбит, а голова обожжена так сильно, что превратилась в головешку. Других ран на теле не видно, значит, кровь не его... В руке Рахметов сжимал боевой нож – видимо, дрался до последнего, расстреляв и батареи, и патроны из пистолета. Вон и пистолет валяется рядом, а чуть поодаль – еще один уничтоженный бот с лапами, обрубленными тяжелым стальным лезвием. Одна согнутая нога бота, отделенная от туловища, методично скребет по полу, собрав вокруг себя уже изрядную кучку цементной пыли...

Стоп, подумал военврач. Что за черт? Почему не слышно, как нога бота скрежещет по цементу?!

Разгадка пришла быстро – от удара вырубился не только фонарик, но и внешний микрофон. Его тоже пришлось включать вручную, и сразу мир наполнился звуками.

Капающая с потолка вода.

Шорох агонизирующего металлопаука.

Далекое эхо – стук и шуршание, скорее всего, осыпающаяся глина в конце тоннеля...

И больше ничего.

– Первый, Первый, – осторожно сказал Володя.

Ответа не было.

– Первый! – почти закричал он. – Товарищ подполковник! Это я, Рождественский! Врач!..

Безрезультатно.

Это по-прежнему могло означать все что угодно. Возможно, в команде оказалось слишком много раненых, и ребята отступили перед превосходящими силами противника, решив, что Володя мертв, как Рахметов, даже не попытавшись эвакуировать трупы. С другой стороны, биомеханизмы вполне могли утащить трупы с собой, при этом бросив тело Рахметова и еще живого Рождественского, хоть это и было несколько нелогично. Однако Володя уже понял, что искать логику в действиях железных монстров бессмысленно. Либо какая-то логика в их действиях на самом деле была, но своя, скрытая, недоступная пониманию обычного армейского врача. Может быть, вся стая биомеханизмов бросилась вдогонку за отступающими, и те увели ее достаточно далеко, а вернуться за брошенными телами металлическим паукам что-то помешало – например, атака другой враждебной стаи живых роботов...

Постояв над телом покойного военсталкера, Рождественский подумал, что надо бы сказать какие-то особенные слова или, может, прочесть молитву... Хотя Рахметов, наверное, был мусульманин, а Володя и православных-то молитв не знал, благо очередная мода на православие благополучно закончилась еще до его рождения. Поэтому он глубоко вздохнул, сказал: «Прости, брат...» – и отошел в сторону.

Там он окончательно пришел в себя и стал прикидывать, как быть дальше. Значит, армгана у него нет. Досадно. Зато имеется пистолет, так нелепо использованный в битве со сталтехом, и совсем мало пригодный для самообороны нож. Воды и еды достаточно, есть лекарства в аптечке, датчик... черт, датчик, похоже, в тоннеле не сработал... ну да ладно, если выбраться на поверхность, он обязательно заработает, как и аварийный маячок...

МАЯЧОК!!!

Володя в сердцах треснул себя кулаком по забралу шлема. Как можно было забыть про аварийный маячок?! Еще старшина, выдававший бронескафандр в каптерке, завещал: если что, если потерялся, если остался один, врубай маячок! Он подразрядит батареи рации, фонаря, прочих систем, но даст сигнал, который поймают на базе.

Поймают и пришлют помощь.

«Скафандр пока бэушный, второй срок, – немного виновато сказал тогда толстый усатый сержант, взгромоздив на стол пластиковый ящик. – А вот маячок новый стоит, месяца три как начали такие монтировать – в полтора раза мощнее старых!»

Сковырнув защитный алюминиевый колпачок и щелкнув миниатюрным тумблером, военврач облегченно вздохнул. Он почти физически чувствовал, как тревожный сигнал пронизывает десятки метров почвы у него над головой. А на базе его ловят, идентифицируют и говорят: «О, посмотрите-ка! Да это же лейтенант Рождественский! Не может быть! Скорее посылайте спасательную группу, немедленно вытащим его оттуда!»

Но и сидеть сложа руки тоже не годилось. Повертев головой, Володя прикинул: вроде бы они шли оттуда. Значит, в эту же сторону, к люку, и нужно возвращаться. Может быть, он еще успеет догнать своих – при условии, что они целы... Если же нет, то хотя бы подберет чей-нибудь армган или найдет свой. Это же тоннель, а не лабиринт. Возвращаться следует только тем путем, которым пришел сюда. А потом он вылезет наверх, до берега там рукой подать, место вроде бы тихое...

Вполне вероятно, так все и случилось бы. Вот только военный врач в звании лейтенанта Владимир Рождественский перепутал направление и пошел совсем в другую сторону.

Он быстро шагал, инстинктивно стараясь держаться поближе к стене и даже касаясь ее левой рукой. В правой Рождественский сжимал пистолет. Датчик оживать по-прежнему отказывался, но мертвая тишина в тоннеле, нарушаемая лишь занудной капелью, демонстрировала, что он здесь один. По крайней мере, пока.

– Артиллеристы, Сталин дал приказ, – забормотал было Володя в такт шагам, но тут же испуганно осекся. Наверное, лучше не шуметь. А может, правы были Константинов и добрый генерал Пирожок? Нужно было плюнуть на амбиции, отправиться в Техас, оперировать там в теплом, светлом, стерильном госпитале жертв гражданской войны, а после смены идти в бар есть поджаренные добродушным толстым негром горячие стейки средней прожарки с гарниром из пышного картофельного пюре и сладкой кукурузы... Запивать все это великолепие ледяным пивом, наливая его в кружку из запотевшего полуторалитрового кувшина...

На глаза навернулись слезы. Теперь-то уже ничего не поделаешь, несчастный военврач прекрасно это понимал. Главное – выбраться, а потом уже разберемся, решил он. А вместо стейков пока обойдемся противной ореховой пастой – безвкусный сухпай из контейнера пускай лежит на черный день, чтобы не открывать лишний раз забрало шлема.

Потянувшись губами к эбонитовому наконечнику и зачмокав, Володя не заметил, как из черного пролома под самым потолком выглянула вытянутая перекошенная тень. Двигаясь механически, рывками, она выбралась из своего укрытия, на миг зависла над беззаботно бредущим внизу военврачом и внезапно обрушилась на него.

Рождественский коротко вскрикнул, треснулся головой о цемент и во второй раз за последнюю четверть часа потерял сознание.

Фонарик погас.

Глава 3

Володя закашлялся, потому что прямо в горло ему лилась вонючая обжигающая жидкость.

– Ожил, – удовлетворенно, хотя и с некоторым удивлением сказал знакомый голос.

Рождественский открыл глаза и увидел над собой лицо, которое тоже оказалось знакомым. Сердитые бесцветные глазки, мохнатые брови, беспрестанно шевелящиеся, словно отвратительные гусеницы.

Маленький сталкер Бандикут. Только его не хватало.

– Че, узнал дядю? – осведомился Бандикут и противно захихикал. – Вот уж кого не думал еще раз встретить в этом мире, так это тебя, доктор-врач.

Володя продолжал кашлять – уж больно едкой и противной оказалась гадость, которой пытался напоить его злобный коротышка. Жидкая пластмасса, не иначе. А он ведь глотка три, а то и четыре сделал.... Тьфу, дрянь какая!

Однако в голове слегка прояснилось, военврач сделал глубокий вдох и тут же подавился прохладным воздухом, сообразив, что забрало шлема открыто. Он нелепо зашарил и зашлепал руками по лицу, пытаясь захлопнуть забрало, но тут же понял, что лежит вообще без шлема.

– Не гоношись, – деловито велел Бандикут, завинчивая крышку на зеленой пластмассовой фляге и пряча сосуд за спину. – Дыши легко и свободно, как на магаданском курорте. Уж от чего – от чего, а от воздуха на Зоне сдыхают в самую последнюю очередь, доктор-врач. Обычно до летательного исхода просто не доходит, гораздо раньше помирают от чего-нибудь другого.

– Летального, – машинально поправил Рождественский, приподнимаясь на локтях. Сесть у него с первого раза не вышло. – До летального исхода.

– Один хрен в результате погибший труп насмерть убитого покойника выходит. Хоть по-научному, хоть по-простому, по-сталкерски, – рассудительно заметил Бандикут. – А ты вообще куда перся-то, скажи на милость?

– К своим, – угрюмо буркнул Володя. Он все же сумел сесть и обнаружил, что находится в довольно просторной пещерке, освещаемой переносным фонарем. С низкого потолка свисали сухие корешки и какой-то серый мох – наверное, так изнутри выглядит барсучья или кроличья нора. Фонарь был древний, такие Рождественский видел только в кино. За выпуклым подкопченным стеклом потрескивало и плясало синеватое пламя; кажется, там горел керосин или бензин, а то и вовсе какое-то масло.

Помимо фонаря в пещерке имелись драные полосатые матрасы (на одном из которых военврач и сидел в данный момент), бесформенная куча железяк в углу и – чудо, чудо! – оставленная им под изуродованной сосной «репка с маком», она же роботизированный полевой медицинский комплекс РПМК, невинно пострадавшая в неравной схватке со сталтехом.

– Подобрал вашу бандуру, – с гордостью сообщил сталкер, перехватив Володин взгляд. – Полезная штука, чё. Пригодится в хозяйстве.

– Это армейское имущество! – возмутился Рождественский.

– Сам ты армейское имущество, доктор-врач, – неприятно усмехнувшись, сказал Бандикут. – Я за вами зря, что ли, по развалинам таскался? Под землю даже поперся, жизнью рисковал, можно сказать. Так что трофей не обсуждается. Понял? Станина с шасси от метателя там осталась, вот ее можешь забрать. Только на хрена она тебе? Ралли по Зоне устраивать? Да и куда тебе наверх-то, тебе к мамке надо. А поскольку мамки тут нету, то временно я за нее побуду.

Володя не нашелся, что сказать на такую наглость. К тому же он чувствовал, что быстро пьянеет. Из желудка поднималось неприятное тепло, перед глазами все плыло. А ведь если у него и в самом деле сотрясение мозга, то алкоголь ему никак нельзя!

– Чего еще скажу, – продолжал тем временем Бандикут, доставая из-под матраса мятую консервную банку без каких-либо опознавательных знаков и откупоривая ее ножом. Нож был Володин. – Дурак ты круглый, доктор-врач. Врубил свой маяк и прешь как дядя Степа.

– Как... как кто?

– Дядя Степа. Был такой козырный мент в детских книжках, ты тогда небось не родился еще. Сейчас вас таким книжкам не учат, говну всякому только... Дядя Степа Мент, короче, тоже ходил как долбня, издалека видная. Ты что, не соображаешь, что твой маяк – та еще приманка для железяк? Я его сразу выковырял к бесу.

– Это же аварийный м-маяк... – заплетающимся языком пробормотал Рождественский.

– Сам ты м-маяк! – Бандикут постучал себя согнутым пальцем по низкому грязному лобику и облизал нож, после чего положил его на безопасном расстоянии от лейтенанта. – Думаешь, на базе в Колывани прямо щас все бросят и полетят тебя искать? Ну да, верно, сигнал словят, запеленгуют... Может, даже вертолет отправят. Но до тех пор тебя двести пятьдесят восемь железяк зафиксируют и разберут на запчасти. Эх, ты... Грудь в крестах, голова в кустах! – И сталкер звонко щелкнул ногтем по красному крестику на бронескафандре военврача.

– Я не подумал...

– Я так и подумал, что ты не подумал. Жрать-то будешь? Могу поделиться. Знаешь, как амеба говорила? Бог велел делиться. И поэтому часто делилась пополам. – Бандикут заржал, потом подцепил грязными пальцами из вскрытой банки горсть печеночного паштета и протянул лейтенанту.

– Н-нет... – замотал головой Володя. – Я н-не хочу... – От запаха пищи, тем более поданной таким неаппетитным способом, его замутило.

– Как хочешь. – Бандикут был невозмутим. – Сам сожру. А может, еще стаканчик примешь?

Володя замотал головой, едва сдержав рвотные позывы. Еще не хватало облеваться перед этим ничтожеством, подумал он. И так ни во что не ставит, скотина...

– Ну и правильно. Бухальце, доктор врач, оно когда в меру, то полезно в любых количествах, а сверх меры – смерти подобно. – Сказав так, дрянной коротышка принялся алчно пожирать жирный паштет, напоминая какое-то небольшое грязное животное. Крысу? Хомяка?.. – Еще когда тебя сталтех прижал, я сразу сообразил: ты первый раз в прериях, – глубокомысленно поведал он.

– В каких пыр... прериях? – с трудом проговорил военврач, безуспешно борясь с подступающим опьянением.

– Ну, в пампасах. Обычно с гражданином подполковником посерьезнее пацаны ходят, а тут ты – как из ясельной группы. Ходишь, маякуешь... Скажи спасибо, что я тебя вырубил.

– Так это... это вы были?!

– Нет, фея-крестная! – огрызнулся Бандикут. – Я же говорю: за вами шел, присматривал. Военные – они такие: после себя набросают разного, а если сами полягут, так вообще словно на ярмарку пришел. Я вот с тобой вожусь, а надо бы пойти амуницию собрать...

– Чью... чью ам-муницию? – пролепетал Володя, уже заранее зная, что ответит сталкер.

– Да вашу, – доверительно сообщил коротышка. – По-моему, никто живым не ушел. Нашли куда сунуться – в самое гнездо! Там давно уже весь железнодорожный музей с Сеятеля поселился. Наверху им тяжеловато было, у них с мелкими механизьмами что-то вроде ссоры, так они в тоннели перебрались. А вы, как лохи, прямо в самую духовку. Гражданин

подполковник-начальник, поди, тоже полег в пылу сражения. А ведь хитрый был мужик, крученый... Даже жалко его малость.

Бандикут задумался, то и дело запуская пальцы в паштет, громко чавкая и чмокая. Он порезался о неровный край жести, но даже не заметил этого – кровь лениво капала в банку и перемешивалась с паштетом.

– Точно жрать не будешь? – очнувшись от мыслей, уточнил сталкер.

Володя затряс головой, в ужасе подумав, что может быть в крови у давнего обитателя Академзоны.

– Как хочешь, – пожал плечами Бандикут и быстро доел остатки. – Уф-ф... Господь напитал, никто не видал. А кто и видел, тот не обидел... – Он покосился на лейтенанта. – Не, вроде не обидел. Поспать бы, но недосуг. Слушай сюда, доктор-врач. Ты, я так понимаю, один остался. А не был бы ты, кстати, доктор-врач, и тебе бы кранты пришли. Не стал бы я тебя спасать.

– З-зачем... зачем я вам нужен? И что за д-д-дрянь вы мне дали?!

– Не дрянь, а хороший синтетический спиртик! – всерьез обиделся Бандикут. – Сам изготовляю, между прочим. А нужен ты мне на органы.

Рождественский вытаращил глаза.

– У нас тут видал чего – одно железо, – благодушно поведал маленький сталкер. – Поэтому если пленного поймал – считай, запасная печень у тебя в кармане. Или почки... – Внимательно посмотрев на военврача, Бандикут скривил унылую рожу: – Елки, такого даже дразнить неинтересно. Берут же нынче в армию всякую шантрапу... Ладно, шучу я. Шучу. Какие с тебя, к бесу, органы? Мозжечок с ноготок... А зачем ты мне нужен, доктор-врач, я тебе потом расскажу. Когда вернусь.

– Я... Я не могу т-так... – продолжал бормотать Володя, уже мягко заваливаясь на спину, на матрас. – Мне надо... н-надо доложить...

Хихикающее личико Бандикута раздвоилось, затем растроилось, потом три личика расплылись в разные стороны, и военврач Рождественский вырубился напрочь.

– Вот так, – деловито сказал сталкер, вытирая жирные руки о матрас, на котором сидел. – Вот и ладненько. Доложить ему надо, гляди-ка... Говорю же, спиртяга еще тот. Доставляет не по-детски. Ладно, доктор-врач, пусть тебе приснятся сахарные ангелочки, а я пошел...

* * *

Пробуждение было отвратительным. Во рту стоял привкус горькой химии, голова болела (впрочем, к этому военврач уже привык еще после того, как грохнулся в тоннеле). В пещерке не было никого, только все так же горел, потрескивая, фонарь да на полу валялась пустая консервная банка. Наверное, Бандикут, как и обещал, ушел мародерствовать.

Нож и пистолет коротышка сталкер, разумеется, унес с собой. И походную аптечку унес, собака. Даже часы с руки снял – не посмотреть, сколько времени проспал... Все остальное в бронескафандре было вроде бы цело, кроме, понятное дело, безжалостно выковырянного Бандикутом аварийного маячка.

Первым желанием Рождественского было бежать отсюда сломя голову, но он тут же обнаружил, что пещерка имеет лишь один вход, он же выход – запертую квадратную металлическую дверь размером где-то метр на полтора с маленьким иллюминатором посередине. Сквозь стекло иллюминатора была видна лишь темнота. Подергав дверь и попинав ее, Володя пришел к выводу, что побег временно отменяется.

Осмотр пещерки тролля тоже ничего не дал. Груда железяк оказалась именно грудой железяк, не более: гнутые шарниры, оборванные тяги, упрятанные внутри округлых кор-

пусов моторчики, треснувшие шкивы, мотки проводов, покореженные печатные платы... Ничего, даже отдаленно напоминающего оружие. На всякий случай Володя выбрал тяжелый рычаг и положил на видное место – по башке шарахнуть, если что, сгодится.

В резервуаре еще оставалась витаминизированная вода, которая немного сняла похмелье. Потерев гудящие виски, Володя тихонько выругался, потом неожиданно засмеялся. Нет, с ума военврач не сошел – он просто увидел прямо перед собой «репку». А «репка» означала практически весь список лекарств, который только можно придумать.

Короче, «репка» лечила что угодно, если только вообще работала.

Трясущимися от волнения руками Рождественский включил роботизированный комплекс. Хирургическую операцию он себе делать не собирался, хотя тот же аппендикс «репка» удаляла на раз и так же шустро разбиралась с целым набором открытых и закрытых повреждений человеческого тела. Но сейчас Володе было достаточно минимальной диагностики, каковую он и запросил у медицинского агрегата.

Пару секунд после получения задания комплекс не отвечал, и Володя испугался, что удар о бетонную плиту стал для «репки» роковым. Однако электроника в конце концов пискнула, замигал желтый огонек, и робот выбросил три гибких жгута с присосками на концах. Может, какие-то функции РПМК и утратил, но явно не все.

Володя прилепил две присоски на виски и одну – на запястье, для чего пришлось снять перчатку. Его тут же уколола миниатюрная игла экспресс-анализатора, после чего «репка» надолго задумалась, считывая показатели. Затем та же игла сделала еще три молниеносных укола, вводя медицинские препараты, которые робокомплекс счел необходимыми для пациента в данный момент. Желтый огонек погас, жгуты втянулись обратно. Диагноза на табло не появилось – стало быть, организм в норме, даже сотрясения мозга, которого военврач так боялся, не обнаружилось.

– Ах ты, молодчина! – с теплотой сказал Володя, похлопывая «репку» по кожуху. От хороших новостей в голове сразу прояснилось, тело налилось бодростью, захотелось есть. Мерзкую ореховую пасту Рождественский решил приберечь на черный день, а пока действовать по принципу «грабь награбленное». Он пошарил под матрасами и нашел небольшой продуктовый склад в ямке, прикрытой стальным листом. Правда, большая часть консервных банок и пластиковых упаковок с концентратами датировалась сороковыми годами, но Володя отыскал две относительно свежих и кое-как расковырял жесть об острый край металлической рамы, обнаруженный им среди прочего хлама.

В одной банке оказалась птичья тушенка, в другой – мандариновый компот. Обсасывая мягкие косточки и запивая их сладкой жижицей, Володя сосредоточенно прикидывал, как ему лучше поступить. Попробовать взломать дверь? Она выглядела не слишком-то крепкой, скорее всего, Бандикут ее откуда-то приволок и установил сам. Или дождаться хозяина, улучить момент и стукнуть хорошенько по кумполу вон тем симпатичным рычагом? Этот вариант Володе нравился больше, потому что в таком случае он мог разжиться оружием. Но как он, врач, сумеет исподтишка ударить по голове человека? Притом человека, который его спас? Если не врал, конечно, про смертельную опасность аварийного маячка...

Доев тушенку и запоздало пожалев, что не проверил консервы на радиоактивность, Володя снова осмотрел дверь, на сей раз подойдя к вопросу конструктивно. Трясти и пинать ее, словно гамадрил, он не стал, уделив внимание креплению. Разумеется, до надежности ядерного убежища тут было далековато. Во-первых, дверь открывалась наружу и предназначалась для защиты от проникновения извне, а не для удержания кого-то внутри жилища. Во-вторых, петли держались на больших болтах, которые в теории можно было бы просто открутить, имей Володя гаечный ключ. Но ключа у него не было, зато имелась целая куча металлического хлама плюс верная «репка».

В набор медикаментов, которыми был напичкан РПМК, входило и некоторое количество стимуляторов. Одни предназначались для повышения выживаемости, к примеру, в условиях повышенной радиации или пониженного содержания кислорода, другие помогали продержаться при обильной кровопотере и сильном болевом шоке, третьи – осуществить марш-бросок на приличной скорости по пересеченной местности... Вся эта хитроумная химическая мешанина довольно серьезно била по организму, но в некоторых ситуациях выбирать не приходилось. Сейчас, по мнению Володи Рождественского, сложилась именно такая ситуация.

Он попытался вспомнить все, что знал о штатных армейских стимуляторах, дабы ограничиться меньшим злом. Но всяко выходило, что за четверть часа работы организма в усиленном режиме придется потом расплачиваться изрядным отходняком. Главное – постараться свалить подальше отсюда и найти укрытие. Беда была в том, что Володя даже примерно не представлял, где сейчас находится. Логово Бандикута явно находилось под землей и вряд ли далеко от тоннеля, в котором полегла группа подполковника Гончаренко – раз Бандикут тащил военврача сюда на себе, хотя впечатления здоровяка никак не производил.

Вспомнив о погибших офицерах, Володя снова пригорюнился. По сути, он не знал толком этих людей, даже не со всеми успел словом перекинуться, но на душе было препогано. Какая ужасная смерть – металлические пауки растерзали...

Интересно, а что с ним-то теперь будет, если он вернется? Выжил один из целой группы... Комиссуют? Решат, что получил серьезную психологическую травму? Нет, комиссовать, видимо, не комиссуют, но с базы наверняка переведут от греха подальше в какой-нибудь крупный госпиталь. С другой стороны, Володя теперь вроде как обстрелянный ветеран, таких обратно в Зону посылать надо, а не прятать по тихим местам... Черт, как все сложно-то...

Ладно, заключил Рождественский. Потом разберутся. А сейчас надо отсюда поскорее выбираться, потому что маленькому проходимцу он нисколько не доверял. Судя по всему, у Бандикута и в самом деле имелись некие прожекты насчет Володиного будущего, вот только сам Володя ни секунды не сомневался, что ничем хорошим эти прожекты для него не закончатся. Поэтому начал действовать.

Первым делом он выпотрошил «репку», а именно – опустошил контейнеры с обезболивающими и противорадиационными препаратами, которые от большой нужды можно применить и без инъектора, просто раздавить капсулу и проглотить. Затем сделал себе укол стимулятора, разгоняющего человеческие мышцы до троекратной мощности; главное теперь было – проявлять осторожность, чтобы не порвать мышечные волокна. Когда мускулы стали наливаться энергией – Володя ощутил это как мелкие и довольно неприятные подрагивания и покалывания под кожей, – он взял заблаговременно найденный рычаг и, молодецки крякая, принялся сбивать дверь с петель.

Головку первого болта он разворотил с третьего удара, с другим пришлось повозиться, но и этот наконец поддался. Ни малейшей усталости, ни дискомфорта военврач не чувствовал, хотя прекрасно осознавал, что это ненадолго – перегруженные мышцы скоро превратятся в тряпки, и ему придется отлеживаться, пока они хоть чуть-чуть не придут в норму.

Снеся еще один болт, он навалился на дверь, перекосил ее и несколькими ударами выбил из рамы. Жалобно треснул сломанный замок, Володя отшвырнул в сторону железяку, которую в обычной ситуации даже не поднял бы, и хотел уже броситься в открывшийся низкий тоннель, но вовремя спохватился. Воскликнув: «Не доставайся же ты никому!», он все тем же рычагом раздолбал в хлам многострадальную «репку». Тащить ее с собой не имело смысла, самому бы выбраться, а оставлять Бандикуту – много чести. И так поди наварился с покойников, что не дотащит.

Потом Володя с тем же мстительным удовольствием сложил продовольственные припасы маленького ублюдка в пластиковый мешок, что валялся в углу, не забыв даже флягу с отвратным спиртом. Мешок он присобачил к креплениям на скафандре, где ранее находилась «репка», взял в руки рычаг и двинулся в путь.

Разумеется, на Бандикута он по закону подлости наткнулся через полсотни шагов по узкому тоннелю, явно проложенному не самим сталкером – на стенах сохранилась голубая кафельная плитка, пол был кирпичный, хотя просевший и кривой. Опустив голову и сгибаясь под тяжестью трофеев, Бандикут рысил навстречу и едва не врезался в Рождественского.

– Твою ж мать!.. – закричал сталкер, резво отскочив назад.

Думать было некогда. Володя успел лишь погасить мощь своего удара, в последний момент изменив его направление. Если бы рычаг угодил вертикально, то, скорее всего, просто вбил бы незадачливую голову Бандикута в плечи, не спас бы и пожарный шлем. Но Володя ударил вскользь, отчего сталкер отлетел в сторону, врезался в стену, коротко вякнул, рикошетом отскочил обратно и ничком рухнул на кирпичи. Судя по всему, он отрубился от сильного сотрясения, но Рождественский на всякий случай немного выждал, прежде чем обыскивать преступного типа.

В рюкзаке у Бандикута среди объедков и всякого хлама он нашел три армгана – к сожалению, без батарей, а стало быть, абсолютно бесполезных. Оружие сталкера, ту самую дуру, из которой был завален сталтех, Володя взять не решился – он с трудом представлял, как ею пользоваться, к тому же пушка была, может, и мощной, но однозарядной и явно самодельной. Еще откажет в самый неподходящий момент...

А вот два пистолета с пояса Бандикута военврач снял, и все четыре обоймы к ним тоже забрал. Негусто, но все же оружие. И нож собственный, казенный, вернул на пояс. А вот аптечки и своего пистолета не обнаружил – то ли Бандикут хорошо их спрятал в берлоге, то ли куда-то успел заныкать по пути. Скорее всего, так оно и было – маловато трофеев волок с собой ушлый сталкер, явно не все, что смог найти. Тайнички, небось, оборудовал где-то, скопидом...

– Цел? – осторожно спросил Володя, тряхнув Бандикута за плечо.

Коротышка молчал, но по дрожанию ресниц было ясно, что он не помер, а пребывает в глубоком обмороке. Ну и хорошо. Очухается, куда денется. Некогда с этим уродом в доброго самаритянина играть. Пусть скажет спасибо, что до смерти не зашибли.

– Ладно, – сказал Володя, поднимаясь. – Надеюсь, никто тебя тут не сожрет. А мне идти надо. Понимаешь?

Идти в самом деле было надо, и как можно шустрее. Мышцы уже отходили от стимуляторной атаки, так что требовалось срочно найти более или менее подходящее убежище. И здесь лейтенант Володя Рождественский совершил очередную ошибку, потому что не подумал о самом простом решении проблемы – вернуться в логово, связать Бандикута и спокойно отлежаться. Военврач хотел скорее выбраться из жутких подземных коммуникаций и потому побежал вперед в надежде успеть на стимуляторах добраться до Обского моря.

Это было, пожалуй, худшее, что он мог сделать в сложившейся ситуации.

Коридор закончился весьма неожиданно – тупиком. Володя завертел головой, прикидывая, не проскочил ли на бегу мимо какого-то ответвления (на самом деле он пропустил их с десяток, совершенно не заметив), потом посмотрел вверх и увидел на высоте метров трех нижние поручни металлической лестницы, покрытой следами коррозии. Посмотрел вокруг – нет ли какой подставки, ведь корявый коротышка Бандикут явно не мог достать так высоко. Не нашел, обреченно вздохнул, прицелился и на последних остатках стимулятора подпрыгнул изо всех сил.

Уцепился Рождественский удачно, подтянулся, некоторое время поднимался на руках, пока нога не нащупала скобу. Посветил вверх фонариком – лестница уходила в округлый зев

вертикальной шахты, что там в конце – можно было только догадываться. Мешкать не стоило: если мышцы сдохнут на лестнице, то не останется сил даже зафиксироваться и повиснуть.

Военврач принялся карабкаться, словно обезьяна, подстегиваемый красочными воображаемыми картинками: вот обессилевшие руки разжимаются, соскальзывают, и он падает вниз с хрензнаетсколькиметровой высоты, в финале дистанции ударяясь головой о кирпичный пол. Разлетающийся пластик вперемешку с костями черепа и мозгами Рождественский представил настолько достоверно, что даже ойкнул от ужаса и кратенько выматерился.

Падать ему, к счастью, не пришлось. Лестница закончилась люком, в который Володя уперся шлемом и аккуратно приоткрыл. Снаружи оказалось довольно светло, хотя шахта выходила в помещение. Вокруг валялись битое стекло и груды разноцветного мусора, и Володя не сразу понял, что находится внутри книжного магазина. Он бы так и не понял, если бы не увидел косо болтающуюся пластиковую вывеску с выцветшей надписью: «Книжная планета». Ул. Ильича, 6, ТЦ Академгородка. Часы работы: 10:00 – 21:00».

С трудом выбравшись из люка и захлопнув крышку, Рождественский отполз в сторону, бросил мешок с украденной едой и привалился к одной из отсыревших и разбухших от времени и непогоды книжных куч, тут же расползшейся под его весом. Получилось удобно – что-то вроде пневматического кресла. Володя расслабился, и тут же мышцы скрутило так, что он едва не взвыл от боли. Судорожно нашарил в контейнере обезболивающее, запихнул в рот и принялся жевать, сплевывая куски пластиковых капсул. Горькое лекарство стекало в горло, но боль не унималась. Рождественский закрыл глаза, перед ними бешено вращались разноцветные круги, словно праздничный фейерверк. Сознания он не потерял – наверное, организму уже надоело это делать. Поэтому военврач просто лежал и ждал, пока боль уйдет.

Она ушла минуты через три, показавшихся ему тремя часами. На смену боли явилась слабость – лейтенант даже не мог поднять руку, чтобы закрыть шлем. Что там шлем – он не мог толком держать голову, она заваливалась на сторону, как у новорожденного.

«Уж от чего – от чего, а от воздуха на Зоне сдыхают в самую последнюю очередь. Обычно до летательного исхода просто не доходит, гораздо раньше помирают от чего-нибудь другого», – вспомнились слова Бандикута.

Да уж. Сейчас, например, Рождественского можно было брать голыми руками. Или что там у биомеханизмов – манипуляторы? Вот, голыми манипуляторами...

Но сделать несчастный военврач ничего не мог и даже не представлял, сколько продлится такое состояние – последствия зависели в том числе и от физической силы человека, а Володя атлетом никогда не был. В Военно-медицинской академии он уныло висел на турнике, словно груша, или сваливался с брусьев, вызывая зубовный скрежет у мускулистых инструкторов. В бассейне на сдаче зачетного заплыва едва не утоп. Если бы не чисто медицинские достижения, черта с два он вообще закончил бы академию. Может, в самом деле надо было больше думать о занятиях в тренажерном зале, нежели о факультативе по армейской сексопатологии или практикуме на тему «Удаление корня зуба в полевых условиях при отсутствии ультразвукового оборудования»?

Теперь оставалось лишь сожалеть и пассивно следить за окружающим миром, приходя помаленьку в норму. Минут двадцать-тридцать это займет точно. А то и больше.

Окружающего мира, кстати, было совсем немного: со своего импровизированного ложа Володя видел только полуразвалившийся стеллаж, стопки книг, обломки перекрытий и несущих конструкций, неопрятно свисающие лохмотья пластикового покрытия стен. В проломе стеллажа Рождественский углядел детскую коляску, из которой прямо на него смотрели два диких зеленых глаза. Рождественский дернулся было, но быстро понял, что глаза ненастоящие, стеклянные, и принадлежат они плюшевой пуме внушительного размера. Похоже, рядом был детский отдел. Интересно, как эта пума умудрилась так сохраниться? Впрочем,

кому она сдалась тут. Дети железячные, что ли, с ней играть станут? Какие, к черту у них дети?..

Володя хотел тряхнуть головой, чтобы отогнать идиотские мысли – сказывается все же, что крепко приложился ею несколько раз. Но мышцы шеи пока отказывались подчиняться лейтенанту. Что ж, придется ждать. Рождественский скосил глаза в другую сторону. В уголке скалился человеческий череп – наверное, продавец книг или читатель... А может, и писатель, у которого тут в момент Катастрофы была раздача автографов. Почему нет?

Еще Володя наблюдал фрагмент серого неба в стенном проломе. Очень далеко по небу что-то неторопливо двигалось – то ли армейский вертолет, то ли биомеханизм-дракон, у которых в Бердске, на площадке бывшего вертолеторемонтного завода, находилась база. В первом случае маячок мог бы помочь Рождественскому, во втором – погубить его, но маячка стараниями гнусного Бандикута все равно не имелось, так что мучительная проблема выбора в данном случае не стояла.

А ведь сюда и в самом деле может что-нибудь приползти, дошло до Володи. Развалины ТЦ, то бишь Торгового Центра, где в мирные времена жители Академгородка покупали всякие полезные вещи, находились аккурат под академовским тамбуром, на краю холма, который Володя разглядывал после своей встречи со сталтехом.

Рождественский поежился, представив, что тамбур висит где-то у него над головой... А где тамбур – там и наносимбионты, то есть биомеханизмы, управляемые скоргами. И сталкеры. И вообще много чего обитает в районе академовского тамбура, недаром покойный подполковник Гончаренко даже смотреть на него особенно долго не велел...

Володя попытался взять пистолет. Движения его сделали бы честь старому паралитику – пальцы правой руки даже коснулись ребристой рукояти, но обхватить ее сил уже не хватило. Левой руке не удалось и этого – она вообще практически не шевелилась.

Неподалеку что-то обрушилось, потом залязгало, раздался жужжащий шум, словно работали сервомоторы. Видимо, по руинам бродило очередное железное чучело, то ли патрулирующее территорию, то ли просто промышляющее что-нибудь полезное для своих механических нужд. Жужжание приблизилось, на мгновение стихло, после чего стало удаляться.

Рождественский перевел дух и обнаружил, что пальцы правой руки за это время успели ухватиться за пистолетную рукоятку. Вряд ли это помогло бы, появись здесь нежданный гость, но тенденция несколько обнадеживала.

Что же делать дальше? Может, не стоило удирать от Бандикута? В конце концов, мелкий мужичок был не таким уж злобным... Повадки, конечно, гадостные, но уж всяко получше, чем у нанометаллических обитателей Академзоны. Правда, эти его разговоры о планах насчет Рождественского звучали жутковато и неприятно. С другой стороны, вдруг он собирался вытащить Володю отсюда за вознаграждение? А в ответ получил железякой по башке... Теперь если и хотел, точно передумал.

Володя сокрушенно покачал головой и отметил, что сделал это без труда. Попробовал усесться, точнее, улечься поудобнее – получилось! Мышцы отзывались запоздало и не в полную силу, как бывает после долгого сна, но главное – слушались!

Торопиться было некуда. В руинах поодаль стояла тишина, снаружи снова пошел крупный тяжелый дождь, который немного успокаивал лейтенанта – ведь любая тварь из металла должна относиться к воде с неприязнью и вряд ли станет бродить в дождливую погоду.

Ага. Именно: бродить вряд ли станет. Укроется в развалинах. Что и сделали два примитивных биомеханизма из уверенно стремящегося к нулю числа тех, что еще шастали по Академзоне, не будучи ни отловлены и переделаны наноорганизмами, ни привлечены в свои ряды более высокоорганизованными ботами или транспортными монстрами с Сеятеля. В мире человеческих отбросов есть бомжи – именно такие бомжи, только механические,

искали сейчас приюта в развалинах Торгового Центра. Где случайно наткнулись на обессилевшего лейтенанта Рождественского, который под мерный стук капель неожиданно для себя задремал, лежа на уютной кровати из раскисших фантастических романов.

Первый представлял собой безмозглое порождение племени шагающих роботов-уборщиков, которые были введены в эксплуатацию как раз накануне Катастрофы. Такие механизмы производства Брянского машиностроительного завода ковыляли по различным общественным зданиям большой площади, от гипермаркетов до аэропортов, и прилегающим к ним территориям, бдительно высматривая окурки, обертки от конфет и другой мелкий мусор. В процессе скоротечной эволюции и единения с такими же недоразвитыми наноорганизмами робот обрел оружие – нечто вроде пневматического ружья, получившегося из бывшего вакуумного пылесоса, а также гибкие многосуставчатые манипуляторы.

Второй неуклюже передвигался на металлических узких гусеницах, предназначенных для гладкой поверхности, и нуждался в постоянной помощи товарища, застревая и падая на многочисленных неровностях. Как он взобрался на холм, можно было только догадываться, равно как и о том, чем был до Катастрофы этот помятый и побитый цилиндр метровой высоты. Если бы Рождественский смотрел культовый некогда фильм «Звездные войны», то, наверное, мог бы сравнить его с тамошним роботом R2D2, но лейтенант этого старья не видел. Новый век принес новые стандарты творчества и новых кумиров, так что плоское кино уже почти никого не интересовало, кроме горстки замшелых киноманов со снобских форумов.

Когда механическая парочка проникла в бывшее помещение «Книжной планеты», лейтенант сразу открыл глаза, едва услыхав скрежет металлических гусениц по битому бетону и шипение старого гидравлического привода ходуль экс-уборщика. Военврач даже успел сориентироваться и вытянуть руку с пистолетом в направлении появившихся монстров, однако в то же мгновение уборщик выстрелил. С громким хлопком вылетевший из пылесосного раструба свинцовый шар размером со сливу выбил пистолет из все еще слабой руки Рождественского. Лязгая траками, второй биомеханизм деловито подкатил к Володе и завис над ним, угрожающе наклонившись и потрескивая электрическими разрядами, срывающимися с поднятых вверх рук-контактов. В сыром воздухе запахло озоном, ржавым железом и смазочной жидкостью.

На самом деле эти два чудом уцелевших представителя так называемых примитивов были едва ли не самыми безобидными представителями Пятизонья. Но после встречи со сталтехом и битвы в подземном тоннеле Володя не делал различий между стальными чудовищами. Поэтому он пару мгновений зачарованно смотрел на то, как низенький гусеничный биомеханизм продолжает искрить и пощелкивать, а мутировавший уборщик, не опуская своего странного оружия, обходит их обоих по широкой дуге.

Далее все завертелось и замелькало, словно электрический детский волчок со смещенным центром тяжести.

Володя, не рассчитывая на левую руку и не имея возможности снять пистолет с крепления на левом бедре онемевшей от удара, но вполне подвижной правой, сделал вроде бы глупый, но неожиданно действенный ход. Он сгреб с пола пару расквашенных томов и в отчаянии швырнул в приближающегося уборщика, который с его пушкой выглядел более угрожающим.

Примитив тут же выстрелил, но не попал, потому что одновременно пытался неуклюже увернуться от броска. Он даже не оценил низкую степень опасности Володиного снаряда, просто автоматически отреагировал на раздражитель. Под левую ходулю подвернулась книга с подходящим названием «Непоседа», биомеханизм зашипел гидравликой, зашатался и с грохотом рухнул на пол, протягивая манипуляторы то ли к Рождественскому, то ли к сво-

ему подельнику за помощью. Подельник перестал угрожающе искрить и покатился спасать приятеля.

В этом он, впрочем, так и не преуспел, потому что внезапно вымелькнувший из дверного проема темно-красный луч пронзил и вскрыл его приземистое тело-цилиндр как консервную банку. Металл по границе разреза тут же вскипел, вспух безобразным багровым рубцом, дохнув в сторону военврача яростным жаром. Смертельно раненный робот судорожным движением угрожающе развернулся к дверям на одной гусенице, пытаясь зафиксировать нового противника. Внутри его корпуса что-то взорвалось с легким хлопком, выбросив через вентиляционные щели клубы черного вонючего дыма, удушливо потянуло горелой изоляцией.

Второй примитив истерично бился на полу, упираясь манипуляторами и пытаясь встать. При этом он непрерывно палил из своей пневматики; свинцовые шары энергично рикошетили от потолка, и Володя инстинктивно прикрылся рукой, чтобы не схлопотать в лоб. Поэтому он не увидел трагической кончины второго биомеханизма, который добили в упор еще одним выстрелом.

– И кто тут у нас, спрашивается? – раздался веселый голос с хрипотцой. – Мама родная – военный! Что, военный, вляпался?

Володя убрал руку от шлема.

Перед ним стоял высокий и массивный человек в таком же драном и битом, как у Бандикута, скафандре, поверх которого был накинут коричневый плащ. Совершенно лысый, череп покрыт старыми шрамами, лицо широкое и мосластое, как у типичного братка прошлого века. Довольная ухмылка от уха до уха, словно беспомощный военврач стал для него приятным сюрпризом. Но особое внимание Рождественского привлекло легкое красноватое свечение вокруг правой ладони незнакомца. Тот, перехватив Володин взгляд, с досадливым видом стряхнул свечение с руки, словно грязь, и крикнул, не поворачивая головы:

– Где ты там, Карапет? Тут еще живой мужик валяется. Из-за Барьера, между прочим! Хочешь потрогать?

– Иду, иду, – сварливо отозвались из-за стены.

Володя завозился, пытаясь сгруппироваться, но лысый предостерегающе направил на него палец:

– Не дергайся, военный. Очень не советую. И пистолет не трожь. А то живьем зажарю.

Поскольку никакого оружия в руках у незнакомца не было, военврач сообразил, что перед ним – энергик, представитель самого распространенного типа сталкеров, обладающих способностью управлять энергией. Он действительно запросто мог поджарить Володю, направив на него тепловой или электрический удар при помощи собственных имплантов, оплавившихся в момент Катастрофы. Поэтому Рождественский предпочел не испытывать судьбу, которая и так была в последнее время чересчур благосклонна к нему.

Прихрамывая, в дверном проеме показался второй сталкер. Этот был совсем не боевого вида: пузатый, пожилой, с жесткой черной щетиной на носатом и щекастом смуглом лице. Через защитные очки на мир смотрели его унылые, словно у крупной собаки, карие глаза. Одет пузан был в какую-то стеганую фуфайку, обшитую пластинами металла; на тыльной стороне запястья правой руки у него был прикреплен армган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.